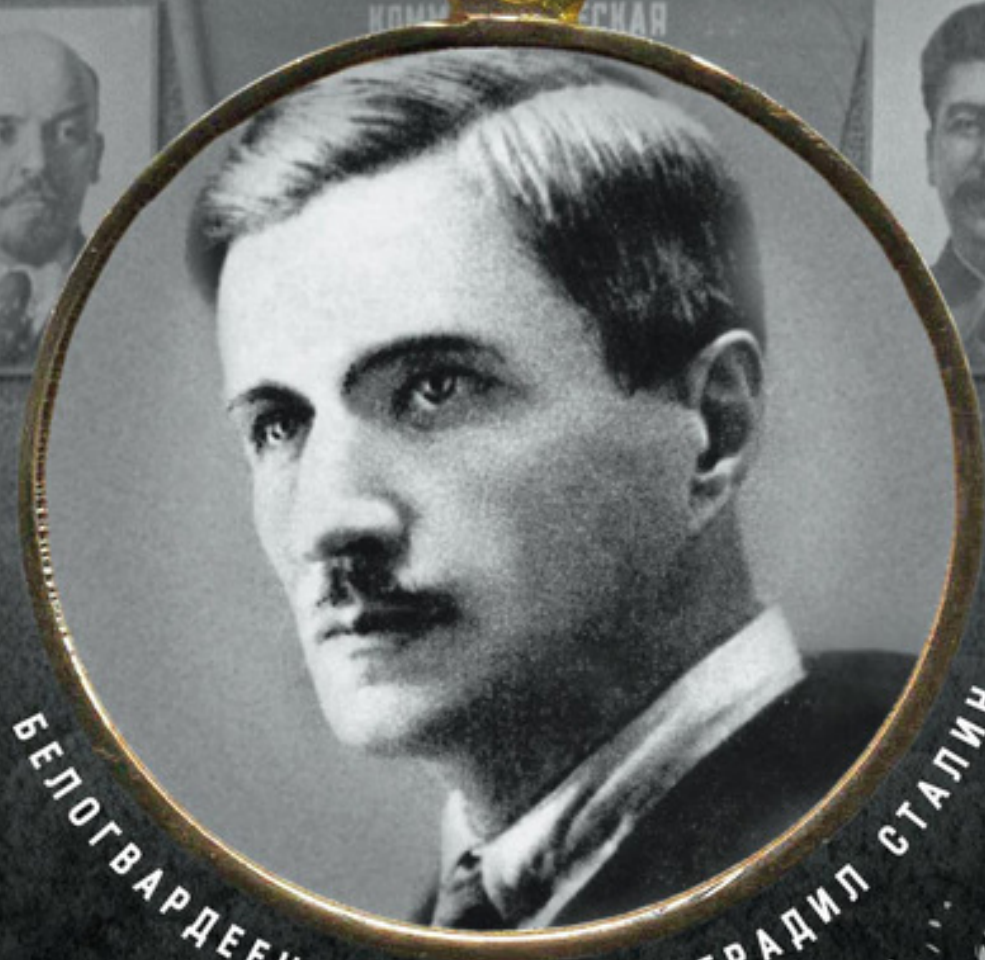

ИВАН ПРОСВЕТОВ
ДЕСЯТЬ
ЖИЗНЕЙ

ВАСИЛИЙ
ЯН

БЕЛОГВАРДЕЦ, КОТОРОГО НАГРАДИЛ СТАЛИН

Иван Просветов

**Десять жизней Василия
Яна. Белогвардеец,
которого наградили Сталин**

«Центрполиграф»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Просветов И. В.

Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградили
Сталин / И. В. Просветов — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07500-0

Эта книга представляет собой жизнеописание известного советского писателя, автора исторических романов Василия Яна. Ее можно рассматривать как авантюрно-драматический документальный роман. С приходом советской власти жизнь Яна оказалась разделенной надвое, и всю вторую половину ему приходилось скрывать то, что было прежде.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-07500-0

© Просветов И. В., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Валерьевич Просветов

Десять жизней Василия Яна

Белогвардеец, которого наградил Сталин

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

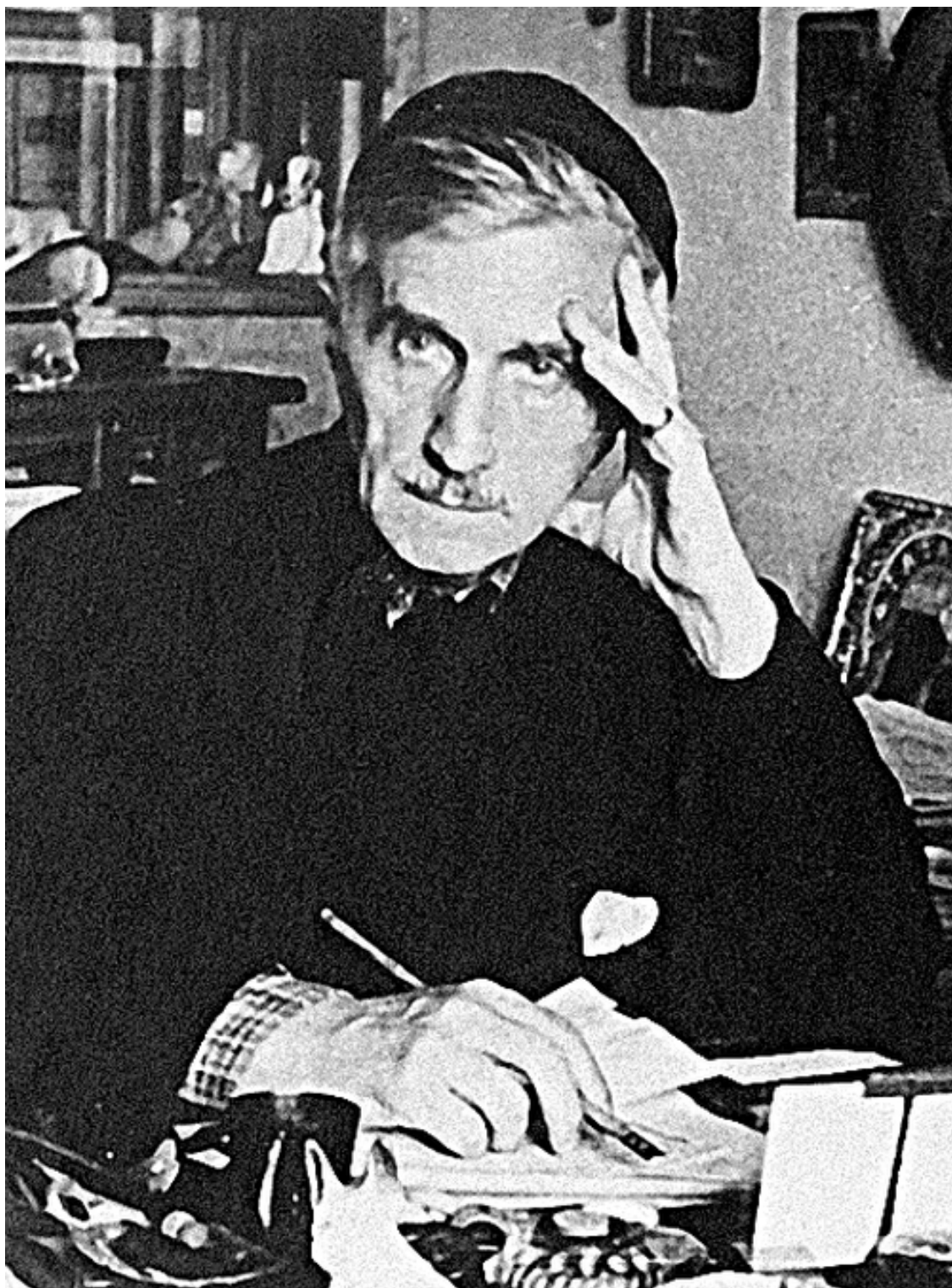
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Просветов И. В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

Сталин положил перед собой список кандидатов. Читал медленно, внимательно, против некоторых фамилий красным карандашом ставил галочки. И вдруг чуть нахмурился:

– Кто такой этот Ян-Янчевецкий?

– Литератор, бывший финансовый служащий, – без заминки пояснил Фадеев. – «Чингисхан» – его первый роман. До того сочинял рассказы и повести.

– Роман хороший?

– Говорят, в библиотеках даже записывались в очередь, чтобы почитать. Ян пишет трилогию о монгольском нашествии и борьбе народов за свободу и независимость. Мне кажется, это одно из наиболее выдающихся явлений советской литературы последних лет.

– Он состоит в Союзе писателей?

– Да, приняли в июле сорок первого.

– Что так поздно?

– Он и писать-то начал поздно – когда уволился со службы по состоянию здоровья.

– А сколько ему сейчас?

– Шестьдесят семь, если не ошибаюсь.

Сталин задумался на считанные секунды.

– Хорошо. Дайте ему. Другие еще успеют...

Этот эпизод – в целом не выдумка, я лишь вообразил детали. О резолюции Сталина рассказывал в своем интервью Михаил Янчевецкий, сын Василия Яна (вероятно, он слышал о ней от отца, а тот – от Фадеева, с которым был в добрых отношениях).

Что сказал бы великий вождь, если бы узнал, что премию первой степени по литературе он присудил бывшему дворянину, доверенному лицу царского МВД, МИДа и военной разведки, редактору белогвардейской газеты «Вперед», начальнику осведомительного отделения особой канцелярии штаба Колчака? Подлинную биографию Василия Григорьевича Янчевецкого знали очень немногие люди. Никто не выдал, не проговорился.

В автобиографии Ян писал, что по окончании университета он странствовал по России, публиковал путевые заметки. Потом три года провел в Средней Азии в путешествиях с научными целями. Был корреспондентом на Русско-японской войне. Преподавал в столичной гимназии. Снова работал корреспондентом телеграфного агентства в Турции, а с началом империалистической войны – в Румынии. «Весной 1918 года вернулся в Россию, попал в Сибирь, бежал от колчаковской мобилизации интеллигенции в Минусинск, где в 1922 году был организатором газеты «Власть труда». «На родине начинались трудные и великие годы строительства новой жизни, – объяснял он в другом, расширенном варианте. – Люди были нужны во всех отраслях, и я пребывал лектором, преподавателем в сельской школе, редактором газеты, драматургом и режиссером нового театра»¹. Все это было. Но были еще и особые задания на время поездок в Персию, Турцию и Румынию. Два ордена за заслуги. Возвращение на родину для борьбы с большевизмом, и не бегство от мобилизации, а погоны полковника Белой армии. Случайное спасение от расстрела красными партизанами. И затем – решение остаться в Советской России, по возможности забыть о прошлом, попытаться осознать и принять советскую власть и заниматься творчеством.

Все, что читателям было известно об авторе «Финикийского корабля», «Огней на курганах» и романов о нашествии монголов, умещалось в короткой справке на одну страничку в переиздании «Чингисхана» 1947 года. Первый очерк о Яне сочинил в 1960 году Лев Разгон – он рассказал некоторые подробности дореволюционной жизни писателя и его творчества в совет-

¹ Архив В. Г. Янчевецкого. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 291. Л. 5, 12.

ское время. Потом журнал «Ашхабад» напечатал, хотя и в сокращенном виде, воспоминания Яна «Голубые дали Азии», сохраненные его сыном. Рукопись «Поиски Зеленого клина» (детские и юношеские годы, странствия по России) издать не удалось – отклонил рецензент «Советского писателя». Но ее фрагменты в 1971–1972 годах были опубликованы в альманахах «Детская литература». Схематичная биографическая справка (родился – учился – путешествовал – служил – принял советскую власть – стал писателем) начала обретать красочные подробности.

В 1977 году издательство «Детская литература» выпустило книгу Михаила Янчевецкого «Писатель-историк Василий Ян» – настолько откровенную, насколько позволяло время. Михаил Васильевич поведал, как жизнь дарила отцу удивительные возможности и постоянно испытывала на прочность. Но почти ничего не сказал о его службе в интересах Российской империи. Основательно заретушировал то, что происходило в годы Гражданской войны. Умолчал о судьбе Дмитрия Янчевецкого – старшего брата Яна, погибшего в тюрьме НКВД. Не объяснил, почему в 1948 году вдруг отказались печатать последний роман лауреата Сталинской премии, а он на несколько лет был разлучен с отцом (причиной был арест по доносу).

Лишь в начале 2000-х Михаил Янчевецкий позволил себе некоторые откровения. Затем историки и литературоведы стали эпизодически публиковать архивные и иные документальные материалы, связанные с Яном, – будто пришло время закрыть белые пятна в биографии одного из самых популярных советских писателей². Когда я заинтересовался этими тайнами, то выяснилось: обнаружено и изучено далеко не все доступное и можно сочинять новую книгу о создателе «Чингисхана». Ее первое издание вышло в 2016 году в электронном виде, но на этом мои поиски не завершились. Для издательства «Центрполиграф» я подготовил существенно дополненную книгу, заодно исправив ряд своих недочетов и даже ошибок.

Одиннадцать государственных и ведомственных архивов, три библиотечных собрания старой периодики плюс малоизвестные мемуары... Так, фрагмент за фрагментом, была восстановлена история жизни замечательного человека – путешественника, разведчика, журналиста, учителя и писателя. «Хаджи Рахим был искателем не благополучия, а необычайного, и на сердце его тлели горячие угли беспокойства», – говорил Ян о любимом герое своей восточной трилогии, срисовав его характер с себя. «Мне кажется, он искал романтики, опасностей и приключений, – рассказывала Евгения Можаровская, его приемная дочь. – И опасности и приключения не заставляли себя ждать»³.

Эту книгу можно воспринимать как авантюрно-драматический документальный роман. Можно утверждать, что столь необычная биография позволяет лучше понять историю России первой половины XX века со всем ее величием и потрясениями, славой и трагедиями. А можно увидеть в ней сюжет, значимый во все времена – как, например, в пьесах Шекспира. Жизнь Яна оказалась разделенной надвое, и всю вторую половину ему пришлось замалчивать и скрывать то, что было прежде. В первой половине он откликался на предложения судьбы, во второй – противостоял ее ударам и испытаниям на прочность. Он остался в государстве, с идеологией которого изначально боролся, и литературное творчество стало для него своеобразной внутренней эмиграцией. Творчество же помогло ему не сломаться в бесконечных потерях близких людей.

Десять глав книги – не просто красивое круглое число. Примерно столько жизненных перекрестков прошел Василий Ян. Каждый раз, выбирая новый путь, он не предполагал, куда тот приведет, встречался с новыми открытиями, тревогами и смертельными рисками, и каждый раз высшие силы дарили ему возможность двигаться дальше. Во многом это рассказ об упорстве и фатальности – о том, как сплетаются кольца событий, поступков и решений, как

² Документы, свидетельствующие о службе Яна у Колчака, впервые упомянуты в монографии: Луков Е. В., Шевелев Д. М. Осведомительный аппарат Белой Сибири: структура, функции, деятельность. Томск, 2007.

³ РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 300. Л. 1. Далее цитируется автобиография, написанная предположительно не позднее 1941 г. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 291. Л. 9.

прошлое отзывается в будущем и в чем-то непредвиденно становится опорой, а за что-то требует платы. Жизнь вообще сплошная попытка понять, на что человек способен и что ему предназначено. Недаром некоторые письма к своим детям Василий Григорьевич, ценитель традиций Востока, подписывал «Иншалла» – «Если пожелает Всевышний».

«Жизнь [моя] – длинная сказка, – отметил он в одном из своих черновиков. – Приносила она много и трагических глав, приносила столько же радостей». А сказки, как известно, бывают разные...

Глава 1

Колесо с крючком

Пароход приближался к Красноводску. Щурясь от яркого солнца, Василий Григорьевич неотрывно смотрел на туркестанский берег. Там виднелись низкие беленые домики, пристань, портовые пакгаузы, очертания кораблей, и над всем этим – безжизненные, мертвые горы. Янчевецкий знал, что они именно такие, хотя издали и кажутся воздушными, жемчужно-розовыми, манящими неизведанными загадками. Плынешь будто на край света. А далеко-далеко отсюда, в Петербурге, в уютной квартире осталась любимая жена на сносях. Но он, несомненно, успеет вернуться к рождению сына. Конечно же у них будет сын... Василий Григорьевич запомнил, как тревожность в глазах Ольги, услышавшей о его решении ехать, сменилась согласием: она понимала, что муж не может отказаться от столь ответственного поручения. Хорошо, что в ожидании ребенка Ольга перестала читать газеты. Те сообщали: «Во всей Персии анархия, участились разбои и грабежи». Опасности? Янчевецкий столько раз сталкивался с ними, что твердо уяснил: опасности могут подстерегать везде, главное – быть готовым к встрече с ними. Разумеется, он благополучно вернется. Он и в самом деле не мог отказаться. Он давно и неоправимо очарован Азией, а такое серьезное приключение, как командировка в мятежную Персию, – неповторимо.

Когда и почему зародилась в нем тяга к странствиям? Наверное, виновником был отец, читавший детям «Одиссею» в собственном переводе. Впечатленный, Вася вместе со старшим братом Митей превращал в безбрежные морские просторы паркетный пол гостиной. Они вырезали из бумаги кораблики-галеры, сажали по бортам бумажных же моряков и на длинной нитке возили их по комнате, рассказывая гостям о невероятных приключениях Одиссея.

Море Василий впервые увидел в возрасте двух или трех лет, когда семья Янчевецких обосновалась в Риге. Григорий Андреевич Янчевецкий, знаток античной литературы, до переезда преподавал греческий и латынь в 1-й Киевской гимназии. Казалось бы, древние языки – удел педантов. Но Григорий Андреевич, получив должность, пустился на авантюру: с помощью друга тайно увез на венчание свою возлюбленную – Варю Магеровскую. Теща сначала прокляла молодых (что за пара – разночинец-учитель и дворянская дочь из родовитой казацкой семьи!), а потом простила и подарила им домик на Крепости. Там 22 декабря 1874 года и появился на свет Василий Янчевецкий⁴.

«Первой познакомила меня со сказочным миром моя мама – она знала множество украинских сказок, – рассказывал Ян. – А любимым писателем моего детства был Андерсен, его сказки нам читал вслух наш отец...»

Летом 1876 года Григорий Андреевич перебрался с семьей в Ригу, где получил должность преподавателя греческого языка в Александровской гимназии. Он не только учил: устраивал литературно-музыкальные вечера, собрал ученический церковный хор, а на празднование двадцатипятилетия царствования Александра II поставил с гимназистами драму «Эдип-царь» на греческом языке «со всей оригинальной обстановкой древнего театра». На докладе о состоявшемся торжестве император начертал «Благодарить», и в августе 1881 года Григорий Янчевецкий был «командирован в Грецию с учебной целью на шесть месяцев». Повидав все

⁴ Все даты до 26 января 1918 года приведены по старому стилю. Источники сведений о родителях, детских и юношеских годах Василия Яна: Ян В. Воспоминания (запись и обработка М. В. Янчевецкого). Ч. I, II. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 94, 95; Ян В. Творческая биография. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–2; Концевич (Янчевецкая) С. Г. Мой отец. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 212. Л. 43–49; Двадцатипятилетие рижской Александровской гимназии. Исторический очерк. Рига, 1893; Памятная книжка Эстляндской губернии. Ревель, 1896; Бауэр Г. Ф. Старейшая гимназия в России. Очерки из прошлого Ревельской гимназии императора Николая I. Ревель, 1910; Личное дело студента Императорского Санкт-Петербургского университета В. Янчевецкого. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3197.

исторические места Эллады, он еще сильнее полюбил милую его уму и сердцу античность и постарался потом передать это чувство своим детям. Пока же, на время отсутствия, он перевез жену с сыновьями и дочкой Еленой в Санкт-Петербург.

Янчевецкие поселились у приятеля Григория Андреевича – литератора и издателя Петра Полевого, вдовца, жившего в одиночестве в большой квартире. Напротив дома находилась городская читальня, куда Вася ходил с братом Митей за книжками – «Дон Кихотом», «Робинзоном Крузо», «Сказками братьев Гримм»: «Каждая новая книга была для нас высшим счастьем...» Что еще ему запомнилось? «Солнечным весенним днем няня позвала нас и шепотом сказала: «Пойдем посмотрим людей, убивших царя...» Мы остановились возле Семеновского плаца. Сквозь чугунную решетку я со страхом увидел черные виселицы и белые балахоны с телами повешенных... Няня тихо сказала: «Они умерли за народ». Такова была моя первая встреча с жестокой правдой жизни».

В мае 1882 года Григория Янчевецкого назначили инспектором Александровской гимназии, и семья вернулась в Лифляндию. «Однажды, когда мы с братом гуляли по дюнам на взморье, между величественными соснами, то застали отца беседующим с незнакомым человеком, – запомнилось Василию Яну. – Это был И. А. Гончаров, лечившийся в то время в санатории «Мариенбад». Отец читал нам отрывки из «Фрегата «Паллада», и я застыл, как зачарованный, глядя на удивительного незнакомца, побывавшего в сказочных далеких странах. Гончаров, улыбаясь, спросил меня, кем бы я хотел стать. Я долго ничего не мог ответить от волнения, а потом с восторгом воскликнул: «Путешественником!» – и бросился бежать...»

* * *

В десять лет он и в самом деле убежал из дома.

Газета «Рижский вестник», которую приносил его отец, печатала по главам перевод «Острова сокровищ» – нового сочинения английского писателя Стивенсона. Под впечатлением от увлекательнейшей повести Вася уговорил своего друга Яниса отправиться в море на поиски приключений. Разумеется, без спроса у родителей – разве они отпустят в плавание, да еще в учебное время? Отец Яниса владел двухмачтовой шхуной, в ее трюме и спрятались приятели перед выходом судна в море. Капитан, обнаружив их, не повернул обратно и приставил помощниками к юнгам. Кто-то сказал, будто бы шхуна идет в Бразилию. «От такого известия я вознесся на вершину блаженства, – вспоминал Ян. – Я наслаждался скрипом снастей, горьким запахом смолы, бескрайней морской далью, над которой клубились тучи».

Приключение вышло что надо! Шхуна попала в настоящий шторм, ее мотало по волнам как пробку, пенистые валы поднимались выше палубы, ветер рвал снасти и паруса. Одна мачта сломалась, корпус дал течь, и на выходе из Рижского залива парусник встал на починку в порту острова Руно. Тут беглецы были задержаны пограничной стражей и отправлены по домам. Васе пришлось обещать родителям «больше не бегать» – хотя бы до окончания университета, предполагавшегося в туманном будущем.

Выручали книги: где Стивенсон, там и Жюль Верн, и Майн Рид – тоже любимые писатели. Летом Янчевецкие снимали дачу под Ревелем. Как-то в гостях у них побывал моряк с военного корабля, обошедшего кругом света, и поведал о дальних странах – Южной Америке, Китае, Австралии. «Из этой тяги к далекому заходящему в море солнцу, – вспоминал Василий Ян, – и возникли мои повести и рассказы».

В 1885–1886 годах Григорий Александрович исполнял обязанности директора рижской Александровской гимназии. Ему даже доверили представить великому князю Владимиру Александровичу рапорт о состоянии учебных заведений Риги, когда императорское высочество с супругой посетил город. После приема высочайших гостей, а именно 2 июля 1886 года,

Григорий Янчевецкий получил назначение директором ревельской Александровской гимназии.

Отличаясь неистощимой энергией, он осуществлял все, что задумывал, – организовывал ученические экскурсии и вечера, руководил ученическим оркестром и русским певческим обществом «Гусли», наладил выпуск журнала «Гимназия», перевел и издал сочинения Гомера, Ксенофонта, Павсания. «В гимназии во время занятий Григорий Андреевич выглядел очень суровым учителем. Коренастый и скуластый, с отвисшими запорожскими усами, в синем форменном, всегда застегнутом на все золотые пуговицы сюртуке, – вспоминал Ян. – А вне занятий, дома и в обществе, на прогулках и экскурсиях он преображался, превращаясь в добродушного, подвижного и шумливого собеседника, друга и руководителя». Он умел договориться едва ли не с каждым и любил приговаривать: «Господу Богу нужны всякие люди». О том, насколько уважали Григория Андреевича, свидетельствует такой факт: когда в Ревель приехал министр народного просвещения граф Делянов, инспектировавший гимназии Рижского учебного округа, то завтракал он у Янчевецких, обедал – у губернатора.

Эстляндский губернатор князь Шаховской ценил деятельного директора и в 1890 году поручил ему реформировать Ревельскую губернскую гимназию, переименованную в гимназию императора Николая I. А затем предложил основать русскую городскую газету в противовес немецким. За важное начинание взялась Варвара Янчевецкая, только что получившая свою долю наследства от продажи полтавского имения Магеровских. Сложив свои деньги с субсидией от Шаховского, она купила типографское оборудование и нашла помещение. «Ревельские известия» – как значилось под заглавием, «газета местных интересов, литературная и политическая» – появились в сентябре 1893 года. Редактор-издатель – В. П. Янчевецкая, но на деле творческим процессом руководил ее супруг. Современные историки прибалтийской журналистики так оценивают его работу: «Умеренно поддерживая курс властей на русификацию края, «Ревельские известия» делали это в сравнительно корректной форме, в спокойном тоне, без особых нападок на прибалтийских немцев и «сепаратистов»-эстонцев. Большинство обозрений местных дел были выдержаны в нейтральном и довольно объективном тоне»⁵.

В числе самых энергичных репортеров газеты был гимназист-старшеклассник Дмитрий Янчевецкий. Аккуратного и настойчивого Митю – отличника по всем предметам – ставили в пример младшему брату, которого в семье считали мечтателем, склонным к чудачествам и излишним фантазиям. Вася и без того признавал его лидером: «Во всех детских исканиях моим руководителем был Митя, к рассказам которого и поступкам я прислушивался». Хотя и не подражал во всем: если у одного царил образцовый порядок на столе и книжной полке, то у другого – «развалины Помпеи». Василий был хорошистом: в его аттестате зрелости пятерка значится лишь по одному предмету – греческому языку.

Летом в Ревель приезжали на гастроли знаменитые петербургские цирки Чинизелли и Труцци. Если Митя был поклонником женской красоты на арене, знакомился с артистками, наездницами и акробатками, дарил им цветы и свои стихи, то Василий, наоборот, старался подружиться с клоунами, эквилибристами и жонглерами. Но при разнице темпераментов, привычек и желаний братья никогда не ссорились, и старший неизменно помогал младшему.

Григорий Андреевич поощрял все увлечения сыновей – и французской борьбой, и литературой. И образование они продолжили на свой выбор. Дмитрий поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, Василий в 1892 году – на историко-филологический факультет.

⁵ Исаков С. Г., Шор Т.К. Биографические справки о русских журналистах в Эстонии до 1940 года / Публикация на сайте Тартуского университета, 2013 г.

* * *

Студенческие годы – время, когда складываются характер и взгляды на жизнь. Но о нем Ян в своих мемуарах почему-то рассказал гораздо меньше, нежели о детстве, и почти без душевных подробностей.

Среди любимых профессоров он особо выделил Сергея Платонова, умевшего блестяще преподавать картины разных эпох российской истории, и Фаддея Зелинского, читавшего курс античной истории. Лекции Зелинского Ян потом не раз вспомнит, что неудивительно. Слушать их приходили студенты едва ли не всех факультетов: «Античный мир, воскрешаемый Зелинским, не был миром реальной действительности. Его герои – статуи из паросского мрамора, сверкающие на солнце как свежавывающий снег. Но они не были холодны. Они были, как Галатея Пигмалиона, одухотворены пафосом любви. Они выражали те вечно-человеческие страсти, которые подчиняли людей Мойре, порождали трагедии...»⁶

Василий пренебрегал штудированием литографированных лекций – скучновато. Зато постоянно углублялся в чем-то зацепившие его «специальные вопросы». Иногда это приносило приличные плоды. Так, за работу «Псковские говоры» его наградили стипендией – 25 рублей в месяц, на два года. И дважды приглашали на научные беседы студентов – выступить по теме «Островитяне Большого и Малого Рогге. Наблюдения над остзейскими шведами» (там Янчевецкий, вероятно, побывал, когда приезжал в Эстляндию на каникулы).

В цирке братьев Труцци он разыскал акробата Жаколино Роше, с которым познакомился гимназистом. Договорился о занятиях – по рублю за урок. Однажды, делая сальто, Василий вдруг растерялся и чуть не приземлился на голову. Роше подхватил его, поставил на ковер, дал тумака и отчитал: «Каррамба! Нельзя пугаться, когда ты на арене. Верь, что все удастся, только старайся каждый раз напрячь все силы». Словесный урок потом пригодился Яну не хуже гимнастических. Он научился ходить на руках, делать сальто-мортале, флик-фляк и иные трюки. Эти умения неоднократно выручали его в последующих странствиях.

Еще Василий Янчевецкий примкнул к сигмаистам. Так именовали себя участники неформального студенческого клуба оригиналов, возглавлял который Сергей Сыромятников – литературный псевдоним Сигма. Выпускник 1890 года, Сыромятников служил в Министерстве юстиции, одновременно делал карьеру журналиста, но поддерживал связи с альма-матер. Он печатался в «Новом времени» и многих других столичных газетах и журналах, отличался хлесткой и остроумной речью. В общем, был для студентов авторитетом, и потому Янчевецкий с радостью согласился поработать у Сигмы секретарем – фактически бесплатно. Знакомство переросло в долгую доверительную дружбу.

Разумеется, он общался со студентами, увлеченными революционными идеями. Но сын гимназического директора, воспитанный в духе служения государственным интересам, считал: для улучшения народной жизни не обязательно устраивать политический переворот. Надеяться можно на постепенные преобразования и просвещение. Партийные догматы так же вредны, как и слепое подчинение иностранным влияниям. Что действительно важно – это борьба за свободу слова, личности, совести, собраний и развитие образования, медицины, промышленности. Но борьба все же ненасильственная. История человечества и так полна войн, мятежей и раздоров, но разве худой мир не лучше доброй ссоры, а согласие не стоит выше противоречий?

По тихим небесам, под яркими звездами
По синей мгле

⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992. С. 158.

Летел небесный дух, прозрачными очами
Склонясь к земле.

Казалось тихо все, объятый сном глубоким
Спал шар земной;
Но ясно светлый дух все видел зорким оком
Перед собой.

Там разгоралась брань, и кровью орошались
Равнины битв,
И с злобой бешеной в устах мешались
Слова молитв.

Безумный гнев, тоска и ненависть кипели
В сердцах людских.
Они рвались всю жизнь, но кинуть не хотели
Оков земных...

Это стихотворение Василий сочинил для «Литературного сборника произведений студентов Императорского Санкт-Петербургского университета», издать который придумал Сигма. Доход от продажи книг предполагалось передать обществу вспомоществования неимущим студентам. Редактировали сборник знаменитости – поэт Аполлон Майков и писатель Дмитрий Григорович. Обложку и виньетки нарисовал студент-юрист Николай Рерих. Дмитрий Янчевецкий предоставил переводы из Конфуция и сделал иллюстрации для трех стихотворений брата. Вот еще одно из них:

О, что ты, жизнь? Ты – дивная мечта,
Слетевшая с небес. Ты – сон богов,
Ты – эльфов полуночное порханье
По стебелькам заснувших ароматных
Недвижно грезящих цветов. Ты – рай!
Ты – грусть неясная, ты – скорбь, тоска!
Ты – муки, ты – страданья! Что же ты?

Все сообразно с традициями времени. Ничего новаторского в русской поэзии еще не появилось, а Василий Янчевецкий к тому же увлекался немецкими поэтами-романтиками. Гимназист-фантазер превратился в мечтательного студента, грезящего наяву? О нет. Сдав в 1898 году выпускные экзамены и получив диплом II степени, он решил, что исполнил данное родителям обещание. И теперь вправе осуществить заветное желание – отправиться в настоящее странствие. Настоящее – значит, трудное. Пешком по России. С котомкой за плечами.

* * *

«Средств для путешествия у меня не было, но меня неудержимо влекла влюбленность в дорогу и в далекие горизонты», – вспоминал позднее Ян. К приключению он подготовился – послал письмо редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» князю Ухтомскому с предложением стать корреспондентом газеты в своих скитаниях по Руси. Намеченный маршрут впечатлял: от Великого Новгорода до Волги, через Урал, и по Сибири до Владивостока.

В ожидании ответа Василий ходил на службу в Казенную палату Ревеля – место подыскал отец. Григорий Андреевич присмотрел и невесту для сына – весьма привлекательную девушку, к тому же с солидным приданым: ее родители владели большим пивоваренным заводом. После знакомства Василий про себя решил, что она – счастливая и желанная находка для любого жениха. Но на вопрос отца «Ну как?» показал письмо от князя Ухтомского, только что полученное с почты. Редактору столичной газеты понравилась идея путешествия, и он предлагал жалование 50 рублей в месяц и по 50 копеек за каждую строчку напечатанных очерков. Довольно скромный гонорар, но Василию, изнывавшему от скуки на чиновничьей должности, он показался богатством, вполне достаточным для осуществления задуманного.

«Я был готов пойти на всякие лишения, только бы осуществилась моя заветная мечта. Никакие самые соблазнительные перспективы семейного уюта и счастья уже не могли остановить моей решимости».

Попробуйте представить изумление Янчевецкого-старшего – статского советника, кавалера четырех орденов Святой Анны и Святого Станислава за заслуги на педагогической службе. «Отец пришел в ужас: «Ты станешь бродягой! Все, кто бестолку бродит по свету, кончают плохо. Все бродяги бездельники и пьяницы, и ты умрешь где-нибудь под забором! Или тебя в первой же деревне арестуют по подозрению, что ты «скубент», распространитель нелегальной литературы». Мать заплакала... «Чего вы боитесь? – ответил я. – Ведь Ломоносов ушел пешком из деревни в Москву, а я пойду, наоборот, из Петербурга в деревню. Я хочу узнать, как и чем живет мой народ...

Не бойтесь за меня! Я смело нырну в людское море и сумею вынырнуть на другом его берегу!...»⁷

Но первое погружение осенью 1898 года шокировало вчерашнего студента. «Странное и сильное чувство я испытал, когда, впервые надев полушубок, отказался от всех привычек, сопровождавших меня с детства, от всех художественных и научных интересов, и попал в толпу мужиков в овчинах и чуйках, в лаптях, заскорюзлых сапогах или валенках. Мне казалось, что нет возврата назад, и никогда уже больше не вырваться из этой нищей и грязной толпы. Я ощутил чувство полнейшей беспомощности, – предоставленный только самому себе, своей ловкости и находчивости, – и долго пришлось переделывать себя, чтобы освободиться от этого гнетущего, тяжелого чувства... Но по мере того, как я опускался все глубже и глубже в народную массу, к моему удивлению, весь окружающий меня бедный люд все возвышался, делался сложнее, люди оказывались задушевнее, серьезнее, типы интереснее. И когда мужики не подозревали во мне «барина», я становился лицом к лицу с очень развитыми личностями, со свежим русским умом, с самостоятельными взглядами и удивительно оригинальными, разнообразными характерами»⁸.

Пешком и на попутных телегах, по рекам на лодке (под Симбирском даже баржу тянул с бурлаками) Василий наматывал версты: от Новгорода на Смоленщину, через Ярославскую губернию до Казани и далее по Вятской земле. «Дорога все время вьется: передние пять саней то заворачивают, и я вижу их все – одни за другими, то выравниваются впереди гуськом в линию, их уже не видно за крупом моей лошади. Мороз градусов 20. Тихо, ветра нет. Вечер... Мой возница и трое мужиков с передних дровней поравнялись и пошли рядом. «А что за седок у тебя?» – «Да не знаю: учитель, что ли, или из духовного звания. Обученный какой-то. Вероятно, защиты едет просить или на должность». – «Да, да, конечно: кто по своей охоте в дорогу отправится? Верно, неволя выслала...»

⁷ Ян В. Воспоминания. Ч. I. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 94. Л. 90; Ян В. Из воспоминаний писателя. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

⁸ Путевые заметки цит. по кн.: Записки пешехода // Ян. В. Собр. соч. Т. 4. М., 1989.

А Василий наслаждался путешествием, природой, познанием мира, наблюдениями за попутчиками и встречными. Записывал местные песни, предания, обычаи, простонародные истории, волнующие не слабее сочинений иных драматургов, дорожные байки, философские разговоры на отдыхе: «Правда по маленьким людям сидит, которые про себя ее держат. А сильные, веселые, здоровые, удачливые, живут иным чем-то; они живут чутьем и тем, что глядят в оба...» И конечно же его занимало, чем живет людское море, крестьянская стихия – три четверти населения империи: «Было время, когда мужики были робкие, забитые, когда они и пню молились и каждой бляхе кланялись. Прошло сорок лет. Выросло новое поколение, не пробовавшее крепостной узды... Каждый крестьянин обратился в маленького помещика: он хозяин над своим куском земли и своим домом; ко всему остальному миру относится с полной самостоятельностью и большим самоуважением...»

В странствиях прошло полгода. Василий посылал свои заметки в Санкт-Петербург. До Уральских гор он не добрался, но и без того повидал достаточно: и степной простор, где на закате багровеет небо во весь горизонт, и сказочную глушь вотяцкой тайги. В «Ведомостях» оценили его способности, но определенности в жизни это не прибавило.

Лето 1899 года Янчевецкий-младший провел у родителей в Ревеле. «Особенно я любил бывать в гавани, где, сидя на краю мола, наблюдал, как «белеет парус одинокий» и исчезает в туманной, заманчивой дали. Эта даль, звавшая к путешествиям и сулившая неведомые приключения, неотступно манила меня все сильнее и сильнее...»

Отец и мать надеялись, что он возьмется за ум, устроится на приличную службу, и вновь были огорчены выбором сына, когда тот получил сразу два предложения. Месту помощника редактора русской газеты в Гельсингфорсе Василий предпочел командировку корреспондентом газеты «Новое время» в Англию – сочинять репортажи и путевые очерки. Командировку ему устроил Сигма, дав совет: если хочешь стать универсальным журналистом, то должен повидать мир (сам он только что вернулся из двухгодичного путешествия по Китаю, Корее и Японии).

Первая заграничная поездка! Через Германию и Голландию – все здесь казалось иным, даже лошади и собаки – Василий добрался поездом до Роттердама, а там сел на пароход. Лондон, Портсмут, Ливерпуль, Шеффилд, Ньюкасл... Теперь Янчевецкий накручивал мили, и в основном на велосипеде. Великобритания впечатлила его предприимчивым духом: «Кипучая, не останавливающаяся ни на минуту жизнь... Там нет дядюшки, у которого можно попросить местечка, никому не нужен диплом, там все зависит от сообразительности, талантности и умения не стоять на месте, а идти вперед». Деловые англичане оказались совсем не похожими на тех надменных иностранцев, что приезжали в Россию. И его удивляло приветливое радушие, с которым встречали неожиданного гостя даже в самых бедных рабочих семьях. «Я сохранил об Англии самые теплые воспоминания», – писал Ян много позже⁹.

И он хотел задержаться там подольше, но жалованья корреспондента катастрофически не хватало на разъезды и жизнь в Лондоне. Пришлось вернуться домой.

* * *

Тому, кто узнал прелесть странствий, трудно усидеть на месте.

Весной 1900 года Янчевецкий, вновь покинув Петербург, отправился на Русский Север, в Вологду. Заночевав на речной пристани, он едва не стал жертвой бандитской шайки, убивавшей и грабившей одиноких проезжих. Путь продолжил с караваном торговых барж. Старшина каравана оказался бывалым моряком, некогда обошедшим вокруг света на парусном корабле.

⁹ Янчевецкий В. Английский характер // Воспитание сверхчеловека. СПб., 1908; Воспоминания. Ч. II и другие мемуарные записи.

«Что такое наша жизнь? рассуждал кряжистый бородатый мужик, сожалеющий, что оставил морскую службу и теперь снует взад-вперед по каналам да рекам. – Это большое колесо с крючком. Вышиной колесо до неба и поворачивается вокруг своей оси. Бывает, что крючок подойдет к тебе совсем близко, и если за него ухватиться, то колесо подымет так высоко, что оттуда, сверху, откроется вид на весь мир».

Для Василия крючок материализовался в виде письма брата Мити. Старший брат – руководитель в детских играх, дирижер на гимназических балах, комедийный актер в любительских спектаклях – теперь был героем: Георгиевский крест за участие в китайском походе!¹⁰ На Дальнем Востоке Дмитрий Янчевецкий оказался по окончании университета, получив, как военно-обязанный, назначение в Порт-Артур. Служил делопроизводителем в стрелковом полку, переводчиком в канцелярии главного начальника Квантунской области, арендованной Россией у Китая. Когда уволился в запас, был принят в редакцию порт-артурской газеты «Новый край». А в мае 1900 года, в разгар ужасной китайской смуты – командирован в Южно-Маньчжурский экспедиционный отряд корреспондентом. В первом же бою получил ранение, встав на ноги, участвовал в штурме Пекина. Русские солдаты первыми среди союзных войск вошли в китайскую столицу, и провел их к городским воротам корреспондент Янчевецкий – он обнаружил невзорванный мост, а потом вынес из-под огня раненого генерала Василевского, хотя и сам был ранен. Поход Южно-Маньчжурского отряда завершился в сентябре взятием Мукдена. Младшему брату Дмитрий сообщал, что командовавший отрядом генерал-лейтенант Деан Суботич назначается начальником Закаспийской области Туркестанского края и ищет энергичных сотрудников. Грех не воспользоваться таким случаем – ведь будущее России в Азии!

Само собой, совет был принят. Назначение Суботича, правда, затянулось. Василий не оставлял журналистику, а летом 1901 года сплавился с перегонщиками плотов по Днепру из Киева до Екатеринослава. «Наша жизнь, можно сказать, дается вроде как наказание. Конечно, в плотовщики идет тот, кому в земле стеснение, – слышал он от одного плотогона. – Другой рабочий был мечтатель, любил рассказывать сказки товарищам, лежа на спине и глядя на облака. Вся его жизнь проходила в скитаниях... Недельку плыл я с хлопцами по Днепру. От зноя лицо, руки и ноги сделались такие же черные, как у плотовщиков».

К жизни в Азии он, можно сказать, подготовился. Осенью из Асхабада пришла телеграмма – согласие генерала Суботича взять его к себе младшим чиновником особых поручений. На этот раз родители были вполне довольны: это все-таки служба, а не бродяжничество, пусть очень далеко и, вероятно, небезопасно. Новый, 1902 год Василий встретил в Баку, пароходом переправился на другой берег Каспия и сел на поезд, следовавший до Асхабада. «Меня манили бирюзовые дали, таинственные персидские горы, мечты о скитаниях по Азии. «Семья, дети – все это еще придет», – думал я...»

¹⁰ Интервенция войск альянса восьми держав – России, Германии, Франции, Великобритании, США, Японии, Австро-Венгрии и Италии – последовала за народным восстанием против иностранного присутствия в Китае. Мятежники громили дипломатические миссии, христианские храмы, торговые предприятия, разрушали железные дороги. Правительство империи Цин фактически их поддержало. После взятия Пекина союзными войсками 28 августа 1900 года военные действия длились еще год, мирный протокол был подписан 7 сентября 1901 года. Дмитрий Янчевецкий, описывая в своей книге «У стен недвижного Китая» подвиги русских солдат и офицеров, отмечал также храбрость и стойкость противника и честно рассказывал об ужасах войны, ее жертвах и разрушениях, зачастую бессмысленных. В. Ян в воспоминаниях не уточняет, какой степени крестом был награжден брат. Однако писатель Н. Гарин-Михайловский, познакомившийся с Д. Янчевецким в 1904 году, упоминает о «золотом Георгии в петлице» – по всей вероятности, кресте II степени, каким крайне редко награждали гражданских лиц на войне.

Глава 2

Особые поручения

Любому столичному жителю Асхабад показался бы подлинным захолустьем. Но по меркам Закаспийской области это был едва ли не мегаполис – около 23 000 жителей: русские и персы, армяне и татары, поляки и евреи, немцы и туркмены, хивинцы, бухарцы, грузины, греки и даже французы. Как отмечалось в «Обзоре Закаспийской области за 1900 год», город «в последнее время обнаруживает особую наклонность к развитию» – положение его, независимо от административного значения, весьма выгодно для торговли с Хорасаном, уже измеряемой многими миллионами. В Асхабаде насчитывалось 41 караван-сарай и 11 гостиниц и пансионатов. В одном из них – «Парижских номерах», принадлежащих мадам Ревильон, некогда служившей маркитанткой в отряде генерала Скобелева, – и остановился на первое время Василий Янчевецкий.

«Это был маленький чистенький городок, состоявший из множества глиняных домиков, окруженных фруктовыми садами, с прямыми улицами, распланированными рукою военного инженера, обсаженными стройными тополями, каштанами и белой акацией. Тротуаров, в современном понятии, не было, а вдоль улиц, отделяя проезжую часть от пешеходных дорожек, журчали арыки, прозрачная вода стекала в них с гор, находившихся неподалеку и, казалось, нависавших над городом. По другую сторону городка простиралась беспредельная пустыня... Когда я приехал в этот казавшийся мне сказочным городок-крепость на границе пустыни и диких гор, то долго чувствовал себя как в стране, похожей на мир из романов Фенимора Купера и Майн Рида»¹¹. От одного списка туземных племен и родов у любого заезжего чиновника могла пойти кругом голова: туркмены-текинцы делились на племена отамыш, тохтамыш, али-ели, махтум, мегенли и иные, а были еще туркмены-гоклане и туркмены-йомуды – джафарбаевцы, ак-атабаевцы, бегелькинцы; киргизские роды различались по отделениям алмамбет, баимбет, джименей, джары, туркмен-адай и прочим.

Генерал Суботич сразу распознал в Янчевецком любознательную натуру: «У меня был чиновник-переводчик, знавший отлично иностранные и восточные языки. Теперь он, по-видимому, умирает... Я хотел бы, чтобы вы так же, как он, изучили восточные языки и сопровождали меня в поездках. На днях мы отправляемся в объезд Закаспийской области. Вы поедете со мною. От вашего брата я знаю, что вы любите литературу. Изучите не только восточные языки, но также загадочную душу народов Востока... Не тратьте времени даром, оно пролетает быстро. Здесь обыкновенно молодежь безрассудно расходует время, спивается от скуки и уезжает с опустошенными душой и карманом! Я дам вам возможность поездок по краю, и работы для вас будет много...»

* * *

Василию хватило нескольких месяцев, чтобы освоить разговорный туркмен-дили. Суботич оценил его старательность и дал поручение согласно названию должности – проехать по караванному пути от Асхабада до Хивы и обратно. Формально Янчевецкий должен составить отчет о состоянии колодцев в пустыне. Тайная цель – сбор сведений о путях перевоза контрабанды из Персии. Кроме офицера, который выдаст «прогонные» и подберет проводников, об этом никто не должен узнать. «В Хиве держитесь осторожно и постарайтесь повидать хана

¹¹ Основной источник сведений о службе В. Янчевецкого в Закаспийской области: Ян В. Голубые дали Азии // Собр. соч. Т. 4. М., 1989.

Хивинского, – наставлял Суботич. – Ни в коем случае не проговоритесь, что хотите с ним беседовать по моему поручению. Это должно пройти как ваша частная инициатива. В разговоре как будто случайно упомяните об усилившейся контрабанде. Любопытно, что по этому поводу скажет хитрый старый лис»¹².

Отправиться в дорогу Василий не успел. В сентябре 1902 года Суботича вызвали в Петербург и объявили ему о назначении приамурским генерал-губернатором. На его место прибыл генерал Евгений Уссаковский из Главного штаба. Упускать возможность увидеть Каракумы младший чиновник не хотел. Он доложил новому начальнику, что с севера Закаспийской области давно нет обстоятельных и точных известий, к тому же есть смысл проверить состояние колодцев на караванном пути, и он готов взять на себя эту задачу. Конвоя не нужно. «Будучи опытным в утомительных и опасных путешествиях, я не боюсь могущих встретиться препятствий».

Уссаковский одобрил рапорт. Но без проводника Янчевецкий обойтись не мог. Сопроводить его согласился урядник Шах-Назар, бывший аламанщик, ходивший в набеги на Персию и Хиву. Они выехали из Асхабада в марте 1903 года – два всадника и две выючные лошади с провиантом и бурдюками с водой. Василий поражался тому, насколько уверенно Шах-Назар выбирал верное направление там, где сам он не видел ничего, кроме расплывающейся в знойном мареве волнистой линии песков. Окружающую среду туркмен делил на два состояния: кум (песок), где можно найти воду в колодце, саксаул для костра, подстрелить зайца или джейрана, и кыр (камни) – там жизни нет, только ящерицы да змеи ползают между скалами.

Днем пекло солнце, а ночью подмораживало. На рассвете иней серебрил стволы винтовок, стремяна и пряжки седел, которые на ночлеге использовались вместо подушек. Дважды поднимались песчаные бураны, а один раз случился даже снегопад. Видели путники и мираж – караван, уходящий в небо, и цветущие ирисы, ярким ковром покрывавшие пески, и неизвестные могилы, обозначенные шестами. Лишь дважды им встречались торговые караваны. А колодцы – да, по большей части оказались в запущенном состоянии.

«Незабываемым был момент, когда после долгого тяжелого пути по однообразной пустыне, где мы непрерывно то поднимались на песчаные склоны, то спускались с них, взобравшись на высокий бархан, мы вдруг увидели перед собой роскошный зеленый оазис Хивы. Квадраты полей, где работали пахари, высокие тополя и платаны, а вдали за ними – стройные минареты мечетей, выложенные сверкавшими издали голубыми изразцами...»

Янчевецкий очутился в Средневековье. Жители Хивы еще помнили, как на кольях перед ханским дворцом выставлялись головы казненных. Россия установила протекторат над Хивой в 1873 году после похода генерала Кауфмана – война была единственным способом пресечь набеги хивинцев на российские земли за живой добычей, пленными рабами. Хан признал себя покорным слугой императора Всероссийского, согласился заключать договоры с соседями, равно как объявлять им войну только с ведома высшей русской власти, и обязался уничтожить на вечные времена рабство и торговлю людьми. В остальном он оставался полновластным владыкой, решавшим судьбу кошелька и живота своих беков, наибов, хакимов и простого народа. Тяжбы неизменно решали по стародавним законам, разве что жестокие казни и увечья как наказание были отменены.

«Бродя по городу, мы увидели поразительное зрелище – проезд хана через свою столицу. Впереди процессии ехали вооруженные всадники с

¹² Ян В. Воспоминания. Ч. III. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 96. Л. 47. М. В. Янчевецкий при подготовке этой части мемуаров к печати изъясил строки о тайном поручении Суботича.

копьями и саблями наголо, затем конюхи вели под уздцы множество коней хана поразительной красоты, всех мастей, накрытых дорогими коврами... Хан ехал один на молочно-белом черноглазом жеребце. Позади следовала сотня лихих джигитов с винтовками и копьями. На всем пути следования процессии толпы жителей города стояли, согнувшись в поясе и скрестив руки на груди. Никто не смел поднять лицо и посмотреть на хана».

Сам город Янчевецкому не особо понравился: грязный и пыльный, с лабиринтом узких кривых улочек, состоявших из одних домовых стен без окон. Престарелый, но все еще бодрый хан Сеид Мухаммед Рахим Бехадур жил во дворце, окруженном высокой стеной с башнями и состоящем из скопления глинобитных домиков с переходами и множеством ворот и дверей, охраняемых мрачными воинами со старинными ружьями и саблями. Его светлость через переводчика расспросил гостя о делах в Асхабаде и пройденном пути. Услышав о замеченном караване, который, вероятно, вез контрабанду, хан поспешил заверить – то были обычные купцы. Но было видно – он доволен, что караван прошел беспрепятственно...

Тысяча верст туда и обратно. Возвращаясь, Янчевецкий мечтал о новом путешествии – еще в декабре из Военного министерства пришло одобрение его идеи об экспедиции в Персию. Но в Асхабаде Василия ждало печальное известие из Ревеля.

Умер отец, не дожив до шестидесяти. Летом 1902 года директор Янчевецкий подал прошение об отставке по болезни. Григория Андреевича сразил нервный удар (так в то время называли инсульт). «Спусковым крючком» стала пропажа 4000 рублей казенных денег из служебного кабинета: для Янчевецкого-старшего, чья репутация была безупречна, – тяжелейшее потрясение. Вора не нашли, и Варвара Помпеевна потратила остаток своего наследства, чтобы возместить потерю. Григорий Андреевич лечился в лучшей клинике Санкт-Петербурга, но 31 марта 1903 года его сердце остановилось.

«Мне было понятно, почему он состарился так рано, – вспоминал Василий Ян. – Вся его жизнь была сплошным напряженным трудом. От раннего утра, когда он приходил в столовую и пил крепкий чай, и до полуночи, когда за письменным столом заканчивал просмотр тетрадей, корректуры рукописей своих переводов или страницы сочинений, написанных мелким, неудобочитаемым почерком, все его помыслы были отданы делу». Василий Григорьевич со временем обретет те же привычки и черты, вплоть до почерка...

Взяв отпуск, он уехал в Санкт-Петербург. Побывал на могиле отца. Проведал мать. Варвара Помпеевна держалась стойко и не бросала семейное дело – «Ревельские известия». Служебные дела требовали и скорейшего возвращения Василия в Асхабад.

* * *

Не одними путешествиями была насыщена его жизнь. Младший чиновник особых поручений состоял в сельскохозяйственном комитете, инспектировал туркменские кочевья, собирая жалобы и пожелания для доклада начальнику Закаспийской области. «Несколько продолжительных поездок были у меня для выяснения положения и нужд туркменского населения в землепользовании, распределении воды, народном образовании, в необходимости продовольственной помощи».

В августе 1903 года Янчевецкий подал генералу Уссаковскому два рапорта – об официальной экспедиции в Персию и конфиденциальной в Афганистан. Идею он изложил еще Суботичу: надеясь на удачу, пройти по персидским землям вдоль афганской границы, незаметно пересечь ее и попытаться доехать до Кабула. А в благоприятном случае и до Индии. Конечно же это была авантюра. У Российской империи с Афганистаном не было ни дипломатических, ни торговых отношений. «Если афганские власти меня арестуют, – пояснял Янчевецкий, –

то все-таки часть моего плана будет выполнена, так как мне удастся побывать внутри этого замкнутого государства и увидеть его современную жизнь». Суботич направил реляцию туркестанскому генерал-губернатору, тот отослал ее в Военное министерство. Столица ответила согласием, если господин губернский секретарь Янчевецкий готов отправиться в экспедицию на свой страх и риск. А он изначально на то и рассчитывал.

Василия неудержимо манила страна, которая «настолько ревностно оберегает себя от посещения иностранцами, что даже англичане, считающие Афганистан под своим протекторатом, с величайшими трудами получают от эмира разрешение на въезд». «По-прежнему на афганской границе безмолвно стоят пустынные холмы желто-серого цвета, да изредка пробегают стада диких коз или проедут мелкой рысью объездчики пограничной стражи, – рассказывал он в статье, сочиненной для петербургского «Нового времени». – А там, за границей, где горные хребты толпой уходят в туманную даль, замечается какая-то своеобразная жизнь...»¹³

Санкт-Петербург тоже интересовало все, связанное с Афганистаном, – с той поры, как разграничение земель между российским Мервом и афганским Гератом в 1885 году едва не привело к войне с афганским эмиром (дошло до кровопролитных стычек с его отрядами) и поддерживавшей Кабул Великобританией. И хотя последующее разграничение на Памире прошло без эксцессов, Афганистан считался страной не вполне дружественной. У большой политики свои резоны. А младшему чиновнику особых поручений Персия и Афганистан казались сокровищницами впечатлений, сказкой наяву, миром мудрых древних культур и красочных легенд. Он не подозревал, что своей инициативой повернул колесо судьбы и уцепился за очередную крючок.

Документы для проезда по Персии ему оформили как представителю петербургской прессы. Научности авантюре придало участие американского географа Элсворта Хантингтона, прибывшего в Туркестан с экспедицией Carnegie Institution. Он нагнал группу Янчевецкого (Василия сопровождали два туркмена, афганец-эмигрант и русский охотник) в персидской провинции Серахс. На исходе ноября 1903 года маленький караван продолжил путь на юг.

«Пересекая восточный угол великой персидской соляной пустыни Дешти-Лут, я был поражен обилием развалин селений и городов. Ехать приходилось по голой, выжженной солнцем безводной пустыне. Изредка попадались кочевья арабов и белуджей, их похоже на распластанные крылья летучих мышей черные шерстяные шатры... Однажды, во время ночлега в степи, подошедший к костру задумчивый седобородый пастух, опираясь на длинный посох, так объяснил причину множества развалин: «Ты не думай, ференги, что всегда у нас было так пусто и печально. Раньше страна наша была богатой и многолюдной. С гор в ущелья стекали чистые холодные ручьи, орошая посеvy и сады счастливых мирных жителей, процветали различные ремесла... Но через эти земли прошли ненасытные завоеватели. По этим равнинам промчались воины Искендера Великого, потрясателя мира Чингиза, хромого Тимура, хана Бабура, Надир-шаха. От горя и ужаса напитанная кровью земля сморщилась и высохла...»¹⁴

Василий знал и об Александре Македонском – Искендере, дошедшем со своими фалангами до Инда, и о Чингисхане, создавшем империю от Японского моря до Каспия. В новогоднюю ночь он увидел странный сон. «Мне приснилось, что я сижу близ нарядного шатра и во сне догадываюсь, что большой, грузный монгол с узкими колючими глазами и двумя косичками над ушами, кого я вижу перед собой, – Чингисхан. Он сидит на пятке левой ноги, обнимая

¹³ Письмо в редакцию «Закаспийского обозрения» (февраль 1903 года). РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 82. Л. 52; Янчевецкий В. Русско-афганские отношения // Новое время. 1903. 31 янв.

¹⁴ Янчевецкий М. В. Комментарии к роману «Чингисхан» // Ян В. Собр. соч. Т. 3. М., 1989.

правой рукой колено. Чингисхан приглашает меня сесть поближе, рядом с ним, на войлочном подседельнике. Я пересаживаюсь поближе к нему, и он обнимает меня могучей рукой и спрашивает: «Ты хочешь описать мою жизнь? Ты должен показать меня благодетелем покоренных народов, приносящим счастье человечеству! Обещай, что ты это сделаешь!» Я отвечаю, что буду писать о нем только правду. «Ты хитришь! Ты хочешь опорочить меня? Как ты осмеливаешься это сделать? Ведь я же сильнее тебя! Давай бороться!» Не вставая, он начинает все сильнее и сильнее сжимать меня в своих могучих объятиях, и я догадываюсь, что он, по монгольскому обычаю, хочет переломить мне спинной хребет. Как спастись? И у меня вспыхивает мысль: «Но ведь все это во сне! Я должен немедленно проснуться и буду спасен!» И я проснулся. Надо мною ярко сияли бесчисленные звезды. Пустыня спала. Наши кони, мирно похрустывая, грызли ячмень. Не было ни шатра, ни Чингисхана, ни пронизывающего взгляда его колючих глаз... И тогда впервые появилась у меня мечта – описать жизнь этого завоевателя, показать таким, каким он был в действительности...»¹⁵

* * *

«Надо отдать должное мистеру Янчевецкому, благодаря которому по большому счету удалось трехмесячное путешествие по стране, где передвижения не только трудны, но иногда и опасны, – отметил Элсворт Хантингтон в своем сухом, строго научном отчете. – Его присутствие было особенно приятно по причине неизменно хорошего настроения даже в тяжелых обстоятельствах и доброжелательности в согласовании своих планов с моими прихотями географа»¹⁶. «Румяный юноша с наивной улыбкой. Человек железной воли и аккуратный, как патентованный хронометр», – вспоминал о своем спутнике Василий Янчевецкий.

Однажды караван заблудился в солончаках. Проводник уверял, что впереди есть три дороги и все – плохие. Хантингтон настаивал: двигаться надо по компасу строго на юг, прямо через пустыню. Янчевецкому нравилось предложение афганца Мердана повернуть к предгорьям, где наверняка есть жизнь и вода, и уже оттуда выйти к намеченному маршруту. Экспедиция разделилась. Несколько дней спустя путники встретились. Элсворт был доволен сделанными по пути геоморфологическими наблюдениями. Зато Василий, сделав крюк, оказался в кочевье племени машуджи – персидских амазонок – и был благосклонно принят их правительницей. «Ты еще очень мало видел, немного знаешь! – сказала гостю Биби-Гюндюз. – Долго еще тебе предстоит ходить и искать, прежде чем ты поймешь, что за счастьем никуда ходить не надо...»

В самом начале путешествия русский и американец рискнули перейти границу, но тут же были схвачены афганскими крестьянами и препровождены к начальнику местной стражи. «Как вы осмелились проехать без разрешения по афганской земле?» – потребовал ответа грозный ага. Для Янчевецкого это было первым серьезным испытанием на знание нравов Востока. Он вежливо объяснил, что их караван, идущий в Систан, сбился с дороги. И столь же вежливо заметил: «Разве афганцы не вольны поступить так, чтобы у мирных путников осталась память о них как о великодушных хозяевах? Или храбрый воин Абдул-Гамид не начальник крепости на своей родной земле?» Он выиграл. Чужаков пригласили к достархану и потом отпустили, проводив до границы. А ведь, как слышал Янчевецкий, за каждого пойманного русского шпиона англичане обещали платить тысячу рупий.

Несколькими неделями позже, следуя по пустыне, путешественники едва не попали в плен. Новый проводник вел себя подозрительно, и на очередном ночлеге Василий вышел в

¹⁵ Цит. по мемуарам «Голубые дали Азии». О своих впечатлениях и приключениях во время персидской экспедиции Ян также поведал в рассказах «Афганские привидения» и «Демон горы».

¹⁶ Huntington E. *The basin of Eastern Persia and Sistan // Explorations in Turkestan*. Washington, 1905.

дозор. «Равнина, залитая ровным лунным светом, видна была ясно... С востока, наперерез тому пути, по какому мы прибыли, продвигались несколько точек. Вскоре я смог различить шесть всадников, приближавшихся гуськом, ускоренным шагом. Прошло некоторое время, и стали заметны темно-синие афганские кафтаны, голубые чалмы... Всадники повернули к нашей скале... Близко показался передний афганец, видимо, ехавший дозорным... «Теперь момент!» – подумал я и выстрелил». Отряд умчался прочь, а на следующий день один из туркменов подобрал в пустыне записную книжку с пометками на английском: «Азис-хан сообщает, что русский сартип и его караван двинулись на «0» от Немексара. Винтовок шесть. Идут медленно. Дан верный проводник».

Добравшись в конце января 1904 года до Нусретабада – главного города провинции Систан, Янчевецкий узнал от русского консула, что за караваном следили английские агенты. Был даже отдан приказ любым способом его задержать. Стоит ли рисковать дальше? До Индии всего сто верст – но через враждебно настроенный Афганистан. К тому же деньги, выделенные на экспедицию, закончились, а Хантингтон получил телеграмму от своего начальства с распоряжением возвращаться.

До российской границы оставались считанные дни пути, когда Янчевецкий и Хантингтон сделали привал в горном селении. Жители рассказали им легенду о скале Кяфир-Кала, на вершине которой якобы спрятаны сокровища. Скала выглядела неприступной, но молодость и азарт сделали свое дело – каждому захотелось доказать, что русский и американец не уступят друг другу в ловкости. Элсворт благополучно добрался до вершины. Василий завершал подъем, когда из ножен на его поясе вдруг выпал кинжал. Отвлечшись, он потерял опору и стал сползать в пропасть. «А день был ясный, небо синее, безмятежное... «Не может быть, чтобы я сейчас умер! – пролетали мысли. – Со мной моя незаконченная записная книжка с планом романа, я слышу тиканье часов на руке». Вся моя жизнь промелькнула в одно мгновение. Классическая гимназия, уроки латинского и греческого языка... Университет и лекции профессора Зелинского. Моя зачетная работа о псковских говорах. Ресторан в Лондоне с замечательным бифштексом... Стройная девушка под васильковой вуалью на вокзале... Я сползал, крестом раскинув руки и ноги, и с лихорадочной быстротой думал: «Конечно, в этой горе живет могучий дух. Надо добиться его милости...» И я шептал, а может быть, кричал: «Горный дух! Я дарю тебе этот кинжал дамасской стали!» И тут я почувствовал, что моя левая нога остановилась на небольшом выступе. Спокойствие и хладнокровие сразу ко мне вернулись...

Я взглянул влево и вниз и едва поверил своим глазам. Из-за грани скалы показалась смуглая, сильно обросшая волосами рука, затем высунулась голова с иссиня-черными кудрями, лицо, потемневшее от загара и грязи, с всклокоченной бородой, и, наконец, голая, в лохмотьях фигура осторожно и ловко поднялась на скат, быстро схватила потерянный мною кинжал. «Дух услышал меня и помог», – подумал я. Вскоре я сидел рядом с моим спутником». Как выяснилось после, то был не дух, а дервиш-отшельник. Но от этого спасение не казалось менее чудесным.

1 марта 1904 года экспедиция вернулась в Асхабад. Янчевецкий подготовил подробный отчет, который отправили с курьером в Военное министерство. А дома по вечерам его рассказы об удивительном путешествии зачарованно слушала молодая жена. Уже став писателем, Василий Григорьевич говорил, что набрал в Азии красок и впечатлений на всю жизнь. Там же он нашел и невесту.

* * *

Высокий обаятельный брюнет (молод, образован, вежлив, а как импозантен в белом кителе верхом на вороном жеребце!) сразу обратил на себя внимание женской половины Асхабада. Однажды в комнату к Василию вломился владелец оружейного магазина, любовница

которого грозились уйти к молодому приезжему холостяку из пансиона мадам Гитар. Не обошлось и без совершенно романтического знакомства.

«Я очнулся от легкого забытья. Сквозь заделанное металлической сеткой окно бледное лицо луны бросало серебристые лучи внутрь моей комнаты, осветив квадрат на полу и желтую шелковую ширму перед окном. И вдруг я увидел на прозрачной створке стройный силуэт женщины... Незнакомка была уже рядом со мной. Она наклонилась. Я следил, приоткрыв один глаз. Потом закрыл его. «Нужно быть дерзким, – подумал я. – Все же подожду. Посмотрим, что она будет делать дальше». Нежная рука слегка коснулась моих волос и погладила их. Ароматные уста на миг прижались к моим губам... Что парализовало меня в эту минуту? Почему я никак не откликнулся на безмолвный призыв? Но платье уже прошуршало, незнакомка отошла к столу. Зашелестела бумага, точно по ней бегал карандаш. Так же бесшумно тень скользнула к двери... Я закурил папиросу, потом встал, накинул бухарский халат и зажег свечу. Поперек моей рукописи неровными строками было написано: «Когда завтра вечером, проходя вместе с Марганией мимо дома под старыми каштанами, вы услышите пение вальса, остановитесь. Хозяйка пригласит полковника зайти. Заходите и вы. Для вас будут неожиданности». Василий исполнил предложенное – и вот она, неожиданность: «Два вальса и две разные певицы вместо одной, которую я надеялся увидеть и разгадать загадку. Первой оказалась сама хозяйка дома, жена подполковника Генерального штаба, корректная и сдержанная, похожая на англичанку. Вторая нервная, очень подвижная светлая блондинка с вьющимися волосами, в розовом платье, с обнаженными руками выше локтей. А может быть, ни та ни другая?»¹⁷

Нашелся ли ответ, случился ли роман – о том он умолчал. Но влюбленность все же случилась. Однажды Василий ехал по улице и в тени тутовых деревьев у ограды увидел девушку в розовом платье. Он повернул коня и попросил воды – напиться. Барышня вошла в дом и вынесла кувшин. Так и познакомились. Маша Бурмантова, как выяснилось, служила машинисткой в канцелярии начальника области. Василия не смутило, что у нее есть на руках маленькая дочь. Любовь – это все-таки следование чувству, а не формальным правилам. У Янчевецкого, разумеется, был свой идеал женщины: умна, самостоятельна, не кисейная барышня и не белоручка, но притом чувственна и грациозна, «несмотря на книги и на образование»¹⁸. Видимо, его избранница соответствовала образу. И она не раздумывала, когда в мае 1904 года Василий уехал на Дальний Восток, где шла война с Японией, – отправилась вслед за мужем в Хабаровск, а затем в Харбин.

¹⁷ Фрагмент рассказа В. Яна «Дамская перчатка». Рассказ опубликован на сайте «Наталья Васильева. Ученики, друзья, родные». Художник Алексей Васильев, отец преподавателя Кишиневской художественной школы Натальи Васильевой, познакомился с Яном и его последней женой в 1942 году в Ташкенте. После смерти писателя Лидия Янчевецкая подарила ему рукописи девяти рассказов, сочиненных Яном в эвакуации и не напечатанных при его жизни. В черновике «Дамской перчатки», хранящемся в РГАЛИ, этого фрагмента нет.

¹⁸ Янчевецкий В. Письма к ученикам из Турции // Ученик. 1914. № 37. О первой жене Яна почти ничего не известно – осталось лишь несколько строк в книге М. Янчевецкого и неопубликованном очерке Е. Можаровской.

Глава 3

Война и мир

Санитарные поезда прибывали в Хабаровск едва ли не ежедневно, и каждый привозил сотни раненых. Город постоянно помнил о войне.

В полутора тысячах верст к югу, на невеликом, но стратегически важном Ляодунском полуострове, где Россия обустроила крепость Порт-Артур, столкнулись амбиции двух империй. Вызов бросили японцы, атаковав 27 января 1904 года русскую эскадру на рейде Порт-Артура. Направили на полуостров три армии. Блокировали Порт-Артур с моря и суши. Благодаря инициативности и решительности японских генералов война шла с перевесом на их стороне, пусть и ценой больших потерь в ряде сражений.

Василий Янчевецкий судил о происходящем по рассказам и сообщениям газет, в том числе «Вестника Маньчжурской армии», который издавал его старший брат. Сам он, прибыв в Хабаровск, смог получить лишь место сверхштатного младшего чиновника особых поручений генерал-губернатора Николая Линевича¹⁹. Дмитрий же, редактировавший местные «Приамурские ведомости», с началом войны был командирован к полевому штабу Маньчжурской армии в Ляояне. Командующий генерал-адъютант Алексей Куропаткин поставил перед ним задачу: создать газету, дающую «точные, полные и быстрые сведения о ходе нынешних военных действий». Ее первый номер вышел из типографии 25 мая. Газета старалась поддерживать в армии боевое настроение. Дмитрий Янчевецкий писал: «Чем больше японцы стараются сломить силу России на берегах Тихого океана, тем сильнее она становится именно там, где ее хотят ослабить»²⁰.

Но 11 августа 1904 года японские армии подошли к русским укреплениям у Ляояна. Сражение, казалось, не кончится до полного истощения сторон. Тем, кто был на войне впервые, запомнилась потрясающая легкость, с которой перемалывались человеческие жизни: «В нескольких шагах от нас почти у самой земли разорвалась японская шрапнель. Она прихлестнула как раз над одним из взводов красноярцев. Несмотря на предупреждение прижаться к насыпи, он продолжал лежать открыто, то есть так, как предписывал устав для ротной поддержки. Белое облачко быстро рассеялось. Большинство людей взвода осталось лежать навеки...»²¹ Японцы выдыхались, но об этом не ведали в русском штабе, и потерю некоторых позиций Куропаткин расценил как угрозу окружения. 21 августа он приказал отступать.

* * *

Ян оставил лишь четыре странички воспоминаний о войне и один журнальный рассказ, хотя был награжден «за отличия в делах против японцев» орденом Святой Анны III степени с мечами.

Что за особые поручения он выполнял? В формулярном списке Янчевецкого упомянуто: «28 августа 1904 г. командирован на линию Забайкальской и Средне-Сибирской железных дорог для выяснения на месте, где и какие задержаны в пути частные грузы, выписанные местными торговыми фирмами для нужд Приамурского края и направленные по планам Главного штаба с воинскими эшелонами, а также для принятия мер к дальнейшему передвижению этих

¹⁹ Формулярный список о службе коллежского асессора В. Янчевецкого. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 114. Оп. 1. Д. 11 586. Л. 118 об. Автор благодарит Елену Ковалеву (Санкт-Петербург, историко-краеведческий клуб «Петрополь») за указание местонахождения документа.

²⁰ Мизь Н. Г., Сидоров А. Ю. Первая военно-полевая газета России. Владивосток, 2004. С. 10.

²¹ Игнатьев А. М. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 198.

грузов по назначению»²². Задание ответственное, но не для деятельной натуры. Иные поручения, по всей вероятности, были, но какие – неизвестно.

Василий мог видаться с братом в Хабаровске, куда тот вернулся в сентябре, посчитав законченной свою работу по организации издания «Вестника». Мог получать письма от Сигмы, в июле 1904-го оставившего «Новое время» и уехавшего в Маньчжурию. Сыромятников, ставший чиновником особых поручений адмирала Евгения Алексеева – главнокомандующего на Дальнем Востоке, видел отступление от Ляояна. «Солдаты шли, не оглядываясь на нас. Под гипсовыми масками их сумрачных лиц чувствовалась не одна лишь усталость, но и глубокая, затаенная обида... В Телине, на станции, я встретил начальника дворянского отряда. Он мне доказывал, что больше ничего мы в Маньчжурии сделать не можем... А вечером один офицер рыдал, причитая: «Помилуйте, за что же это, за что? Всю сотню под шрапнель поставили. Всю мою сотню... Нет сотни... Ведь он болван, болван, как может сотня против батареи...» И слезы текли по его лицу, горькие и пьяные»²³. Трагедия повторилась в октябре у реки Шахэ – на 14-й день сражения Куропаткин приказал армии вернуться на оборонительную линию. «Мы потеряли 45 000 человек неведомо зачем, – негодовал Сыромятников. – Ни одного проблеска таланта с нашей стороны нет. Мы осуждены на то, чтобы давить численностью, тяжестью мужичьего мяса. А с нами сражаются умом и талантом... Единственный генерал здесь, который умеет бить японцев, – Мищенко. Я спрашиваю, отчего не дадут ему корпуса. «Помилуйте, как можно, он не генерал-лейтенант». Что же вам нужно? Бить японцев или содержать негодных генерал-лейтенантов?»²⁴

Адмирал Алексеев после Шахэ подал в отставку. По решению Николая II на посту главнокомандующего его заменил... генерал Куропаткин.

Приамурский генерал-губернатор Линевич отбыл из Хабаровска командовать 1-й Маньчжурской армией. Уже из штаба он распорядился командировать в свое распоряжение Дмитрия Янчевецкого и направил его в армейскую разведку как владеющего китайским языком и знакомого с местными условиями²⁵. А Василий остался в Хабаровске – 12 ноября он был утвержден штатным младшим чиновником особых поручений. Перевода на фронт он добился лишь спустя три месяца. Приказ был подписан задним числом: «Положено считать Янчевецкого во временной командировке, без расходов от казны, в распоряжении главнокомандующего всеми морскими и сухопутными вооруженными силами, действующими против Японии».

* * *

«В Мукден, где находился штаб главнокомандующего, я приехал в страшную минуту, когда грохот орудий не прекращался по всему фронту ни днем ни ночью», – рассказывал Василий Ян²⁶.

²² ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 11 586. Л. 118 об. В формулярном списке упомянуто и об ордене: «Всемилоостивейше пожалован за боевые отличия... 1908, 5 июня» (награждения орденами за участие в Русско-японской войне продолжались до лета 1908 года).

²³ Сыромятников С. Записки писателя // Слово (Санкт-Петербург). 1905. 27 февр.

²⁴ Письмо Н. М. Соколову в Санкт-Петербург от 24.10.1904 из Харбина см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1333. Копия предоставлена Б. Д. Сыромятниковым – двоюродным внуком С. Н. Сыромятникова.

²⁵ Среди офицеров штаба армии, ведавших разведкой посредством посылки агентов-китайцев, Д. Янчевецкий был единственным гражданским лицом (Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера штаба 1-й Маньчжурской армии 26 октября 1904–1 сентября 1905. М., 1906. С. 49). В марте 1905 года он был прикомандирован к штабу главнокомандующего и отвечал за разведку «согласно особым инструкциям» на одном из участков перед правым флангом линии обороны (См.: Деревянко И. В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М.: Эксмо, Яуза, 2005. С. 265).

²⁶ Ян В. Воспоминания. Ч. III. РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 96. Л. 107; Выписка из приказа, датированного 22 апреля 1905 г. ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 11 586. Л. 119 об.

Мукденское сражение было самой кровопролитной и в чем-то решающей битвой Русско-японской войны. Генерал Куропаткин сосредоточил в Центральной Маньчжурии три армии: почти 300 000 бойцов и 1500 орудий, маршал Ояма – четыре армии: 270 000 бойцов и 1060 орудий. 19 февраля 1905 года японцы пошли в наступление. Начался ад. «От целого Юрьевского полка осталось в строю уже несколько сот нижних чинов при двух офицерах, но эти жалкие остатки все еще дрались и удерживали теперь за собой самую восточную окраину Юхуантуня, – рассказывал очевидец. – Чем ближе подходил шедший [на помощь] полк, тем сильнее становился огонь японцев. Шрапнели и шимозы лопались кругом, вырывая то тут, то там отдельных людей... Стихийно накинудись наши цепи и ворвались в японские окопы. Ни одного крика «Ура!», ни «Банзай!». Глухо трещат ломающиеся кости, да шлепают падающие тела убитых. Окоп и поле около него сплошь покрылось трупами, кровью, оружием и переворачивающимися ранеными...»²⁷

Японцам вновь удался обходной маневр, и снова промахи высшего командования русских армий свели на нет героизм нижних чинов и полевых офицеров. Чтобы избежать окружения, Куропаткин отдал 6 марта приказ отступить.

Василий Янчевецкий в это время ездил по делам военно-госпитального управления в Харбин и на обратном пути узнал, что Мукден сдали японцам. «Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие – расстроенные, дезориентированные – сновали по полю взад и вперед, натываясь на огонь японцев, – вспоминал Антон Деникин, начальник штаба казачьей дивизии (будущий белый генерал). – А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными зарядными ящиками».

Последствия сражения чиновник особых поручений увидел на железнодорожной станции к северу от Мукдена. Вся платформа была завалена телами – живыми и мертвыми, молчаливыми и стонущими. Серые запыленные лица, серые же шинели, забрызганные потемневшей кровью... Там же, на станции, Янчевецкий повстречал корреспондента Санкт-Петербургского телеграфного агентства Платонова. Журналиста трясло от пережитого ужаса, он хотел бросить все и уехать прочь, если кто-то вдруг согласится заменить его. Снова рядом с Василием повернулось колесо судьбы: «Это было именно то, о чем я мечтал, отправляясь на Дальний Восток». СПТА руководил князь Николай Шаховской, брат покойного эстляндского губернатора, тоже знавший семью Янчевецких. Василий отправил телеграмму на его имя – и получил место корреспондента при штабе главнокомандующего²⁸.

Исход Мукденского сражения называли катастрофой. Куропаткину незамедлительно была дана отставка, и его место занял Линевич. Вместе со штабом главнокомандующего Василий Янчевецкий отступал до Сыпингайских высот, где и закрепились русские армии.

Как корреспондент, он не только встречался со штабными офицерами, но и передвигался по линии фронта. Корреспондировать, впрочем, не особо было о чем. Весь апрель столичные газеты публиковали однообразные сообщения: «На театре военных действий перемен нет», «Происходят мелкие стычки передовых частей», «Сегодня в общем положении на театре войны ничего нет нового», «На позициях без существенных перемен. На правом фланге происходят частые кавалерийские стычки», «На позициях полнейшее затишье...».

«В пасхальную ночь все невольно неслись мыслями к далекой родине, – вспоминал Янчевецкий уже в Петербурге. – Но на душе было тревожно. Обидно было за столько тяжелых жертв, и неизвестно будущее. Ожидали, что японцы воспользуются праздником и сделают наступле-

²⁷ Цит. по кн.: Шишов А. В. *Россия и Япония. История военных конфликтов*. М.: Вече, 2001. С. 282–283.

²⁸ Цитируются воспоминания В. Яна и публикация в газете «Россия» от 27.01.1907. В официальный список корреспондентов при штабе главнокомандующего В. Янчевецкий был включен 21 марта 1905 года (см.: *Отчет о применении цензуры на театре войны. Харбин, 1905. Приложения*, с. 33).

ние, и все желали этого, рассчитывая, что с упорным Линевичем, при отдохнувших и окрепших войсках, встреча наша с врагом будет уже иная».

По примеру брата Василий напросился в разведку. Дозорный отряд, куда его взяли, ушел на 15–20 верст вперед от оборонительной линии. Охотники (так называли войсковых разведчиков) следили за горной долиной, по другую сторону которой находились японские пикеты, а за ними – военный лагерь. Время от времени по ночам они ходили «раздобыть японца». Янчевецкий из интереса участвовал в одной из таких вылазок. «Мы жили под выстрелами, перестрелка с японцами была нашим постоянным делом...»²⁹

Русская армейская группа в Маньчжурии к середине мая достигла полного перевеса над противником, генерал Линевич готовил наступление. Известие о разгроме российской эскадры в Цусимском проливе ошеломило всех – от обывателя и солдата до государя-императора. Япония тут же предложила переговоры. Война уже обошлась России в четверть миллиона погибших, раненых, контуженых и пропавших без вести. И Николай II согласился на обсуждение условий мира.

С 21 мая Василий Янчевецкий служит чиновником резерва хозяйственного разряда при полевом военно-госпитальном управлении 1-й Маньчжурской армии. Спустя месяц его повышают в чине до коллежского секретаря.

Вот как вспоминал о днях перемирия человек, которого Янчевецкий, возможно, знал, – Владимир Станюкович, начальник госпиталя в Гунчжулине, где находился штаб главнокомандующего: «Проведя день за работой, мы часто уезжали вечером в даль, к синющим сопкам, блуждали между высокими стенами шумящего гаоляна, спускались к речкам, выющимся в ложбинах... Любил я печальное небо Востока в эти тихие минуты, когда ушло уже солнце, когда жизнь притаилась, а оно, могучее, безучастное, глядит на меня своею огромною степью – глядит без глаз, не моргая, как ужас... Медленно тянулись переговоры о мире. Жадно ожидали мы их окончания. В передовых линиях шли мелкие стычки. Изредка приносили раненых...»³⁰

25 августа 1905 года мирный договор был подписан. Японцы, внутренне готовые на значительные уступки, переиграли русскую делегацию. Они заполучили права на аренду Квантунской области и Порт-Артура, вернули Южный Сахалин, некогда отданный России в обмен на Курилы, и подтвердили, что Корея является сферой японских интересов.

«Белеют кресты далеких героев прекрасных, и прошлого тени кружатся вокруг, твердят нам о жертвах напрасных...» Ранний текст вальса «На сопках Маньчжурии» отразил настроения российского общества. Восхищение подвигами смешивалось с осознанием, что война, по сути, проиграна. Вопросом «Почему?!» задавались даже граждане, прежде лояльные к монархии.

В 1906 году на родину вернутся плененные «цусимцы». Увы, их не встретят как героев, офицеры даже предстанут перед судом. Когда в Санкт-Петербурге будет издана первая книга о героизме моряков 2-й Тихоокеанской эскадры, Василий Янчевецкий отзовется рецензией: книгу «нужно горячо рекомендовать нашему юношеству, чтобы научились, как отдавать свою жизнь за родину и царя». Но он же в отдельной статье выскажется прямо и резко: «Не показала ли минувшая кампания, при отваге и находчивости нижних слоев армии, удивительную рутинность и неизобретательность чинов высших? Покорность, послушание царили беспрекусловно в армии, где тактику заменяла тактичность и люди с дипломами, но лишённые всякой творческой мысли и инициативы, душили своими распоряжениями могучую армию»³¹. Сигма еще в разгар войны в частном письме поставил диагноз: Россия оказалась не готова побеждать,

²⁹ Янчевецкий В. Христос воскрес, и мы воскреснем // Ученик. 1911. № 32; Среди охотников за японцами // Ученик. 1912. № 12, 13.

³⁰ Станюкович В. К. Пережитое. Воспоминания зрителя войны. СПб, 1907. С. 91–92.

³¹ Россия. 1907. 12 апр.; Янчевецкий В. Воспитание сверхчеловека. С. 15–16.

поскольку государственный механизм так упорно боролся со свободомыслием, что подавил талант и ум, и чиновничьи интересы стали выше интересов государства. «Нет ничего опаснее, как витать в облаках государственной мощи»³².

Нужны были кардинальные перемены.

* * *

Осенью 1905 года Россия бунтовала.

Крестьяне, измученные малоземельем и выкупными платежами, делили меж собой помещичьи пашни и луга и громили усадьбы – чтобы барин не возвращался. В европейских губерниях волнения охватили более половины уездов. «Весть о мире воспринималась народом, видящим в нем знак нашего поражения, крайне враждебно, – запомнилось юной Марии Столыпина, дочери саратовского губернатора, в будущем премьер-министра Петра Столыпина. – Народные бунты в деревнях усиливаются, крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадаетеся им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель и даже скот и урожай. Почти никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары...»

Бастовали рабочие – печатники, металлисты, железнодорожники, столяры, горняки, телеграфисты и даже конторские служащие от Варшавы и Ростова-на-Дону до Иркутска и Читы. Возмущение взяли под контроль социалистические партии. Стачечники требовали народного представительства, свободы слова, печати и собраний, создавали советы рабочих депутатов. Во многих местах дело доходило до кровавых столкновений с полицией и казаками. В декабре митинги и манифестации переросли в вооруженные восстания в Москве, городах южных губерний, Поволжья, Сибири. Первопрестольную власти объявили на чрезвычайном положении, хотя вернее было сказать – на военном. На улицах и площадях Москвы шли настоящие бои: пушки и пулеметы против винтовок, револьверов и самодельных бомб.

Беспорядки случились и в Самаре, где проездом оказался Василий Янчевецкий, возвращаясь с Дальнего Востока. То ли стрелка внутреннего компаса, то ли очередная телеграмма побудили его вновь согласиться на службу в Азии. Заочно приказом по Путевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 8 декабря 1905 года он был «назначен в распоряжение» губернатора – неугомимого Деана Суботича, не усидевшего в Санкт-Петербурге. Неизвестно, почему Янчевецкий задержался в Самаре (он замалчивал и этот фрагмент своей биографии). Но приказом от 31 декабря он «откомандирован от Путевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора». С 2 января 1906 года Василий Григорьевич редактирует «Голос Самары»³³.

Газета создавалась по инициативе губернского предводителя дворянства, издателем стал городской голова Сергей Постников, и заявлена она была «органом Партии порядка на основаниях манифеста 17 октября». Местной партии, которая вскоре вольется в «Союз 17 октября» – контрреволюционную, как характеризовали ее советские историки, партию крупных помещиков и торгово-промышленной буржуазии. «Союз 17 октября», без преувеличения, был антиреволюционным. 17 октября 1905 года Николай II издал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка». Государь обещал «даровать незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлечь к намеченным выборам в Государственную думу «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав», и «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы».

³² Письмо Н. М. Соколову от 24.10.1904.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д.11 586. Л. 120 об.; Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Т. I. Л., 1958. С. 402.

«Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиною, – просил, а не указывал император, – и вместе с нами напярчь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Октябристы считали манифест достаточным основанием для надежды на коренное преобразование государства. «Цель издания, – разъяснялось на первой полосе «Голоса Самары», – способствовать мирному всестороннему развитию края и родины и бороться со всякими проявлениями анархии». «Гражданская свобода понята была огромным большинством населения в смысле разрешения всякого насилия, грабежа, бесчинства и на первых же порах превратилась в необузданное своекорыстие и анархию», – сожалели авторы (или автор), писавшие под псевдонимами, и одновременно констатировали: «Мы до сих пор не прониклись сознанием всей важности избирательной миссии, которая возложена на всех нас, от богача до бедняка»; «Не подготовлен еще наш народ к партийной борьбе. Он мечтает о твердой и справедливой власти и законности и ждет всего этого от царя-батюшки, а сам что-либо предпринять для успокоения родины боится...»³⁴

Янчевецкий руководил газетой до апреля 1906 года, когда выборы завершились. Разочаровался ли он в октябристах, получивших в Думе всего лишь 3,2 процента мест? Неясно. Янчевецкий, безусловно, был либерал, но либерал-мечтатель: он верил, что благодаря реформе нет больше деления на «благородных» и «черный народ», все равны, все граждане одного государства, и теперь нужна совместная созидательная работа. Классовые интересы – не столько реальность, сколько выдумка социалистов. Нет ничего хуже, чем говорить о розни. Он вообще не терпел революционной оппозиции и радикалов любого рода. «Приемы и цель как крайней правой, так и крайне левой [партии] совершенно одинаковы, – оценивал «Голос Самары». – Всего ярче обличает [их] духовное родство стремление использовать в политике глубокое деревенское невежество»³⁵.

В тот год Василий Григорьевич сочинил притчу «На перепутье». В степи, там, где сходятся две проселочные дороги и на зеленом холмике стоит покосившийся крест, встретились и разговорились старик-странник, солдат и крестьянин-пахарь. «А все-таки я не понимаю, – сказал пахарь, – отчего в России непорядки пошли». «Оттого непорядки, – сказал старичок, – что всем большое стеснение жизни. Ходишь и оглядываешься, как бы кто-либо тебя не цукнул, не схватил, не побил, не запрятал. Нужна свобода!» «Нет, не оттого непорядки, – сказал пахарь, – а оттого, что все мы народ темный, всякому слуху верим, а чего надобно сделать – не ведаем. Вот я бьюсь на пашне, а не родит моя земля. И чего с ней сделать, не знаю, научить меня некому...» «Оттого непорядки, – сказал солдат, – что очень всем обидно. Дрались мы честно с японцем, сколько людей ухлопали, сколько разорения семьям было, сколько убытка всем людям, а вничью война кончилась». Отдохнув, мужики разошлись кому куда надобно. «Да, ученье», – повторил задумчиво пахарь. «Свобода», – сказал старичок. «Победа, победа», – пробормотал солдат...»³⁶

Обещанные свободы были подтверждены «Основными государственными законами», высочайше утвержденными в апреле 1906 года. Но деревню свободой слова и собраний было не успокоить, крестьянские волнения продолжались, и главным вопросом в стране оставался вопрос материальный – земельный. Знаменитые слова «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Столыпин произнесет в Думе при обсуждении не политической – аграрной реформы. Земля как-никак основа основ. Последнее, что по этой части сделало правительство Витте, – издало положение, облегчавшее добровольное переселение «сельских обывателей и мещан-земледельцев» на свободные казенные земли в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

³⁴ *Голос Самары. 1906. 20 янв., 22 февр., 5 марта.*

³⁵ *Воспитание сверхчеловека. С. 105; Голос Самары. 1906. 28 янв.*

³⁶ *Воспитание сверхчеловека. С. 130–132.*

20 апреля 1906 года Василий Янчевецкий приказом по Главному управлению землеустройства и земледелия Российской империи переведен чиновником особых поручений в Туркестанское переселенческое управление, где получил должность статистика Сырдарьинской переселенческой партии.

* * *

Это была совсем не романтическая работа, но Василий Григорьевич и в ней находил вдохновение.

Верхом или на бричке, вместе с вестовым, землемером, геодезистом или агрономом он разъезжал по степи, по обрывистым берегам Сырдарьи и Арыси в поисках мест для поселений, пастбищ и посевов. Занимаясь планировкой одного из будущих селений, Янчевецкий радовался тому, как основательно делегаты переселенцев обдумывали обустройство на новом месте. Таких колонистов он называл «новой Россией» – творческой и самостоятельной. «В народе много хорошей, неиспорченной души и мечтательности, – отмечал он. – Отчего столько людей уезжает в Америку? Туда едут те мечтатели, которые не могут устроить жизнь здесь так, как им бы хотелось. Америка кажется им свободной страной, где можно переродиться и начать жизнь согласно своим убеждениям... Этими энергичными русскими людьми следовало бы пользоваться. Они окажутся отличными колонизаторами».

Кто только не подавал прошения переселенческой партии – и отставные солдаты, осевшие в Туркестане, и железнодорожные рабочие, желавшие сменить грохот мастерских на здоровую деревенскую жизнь, и крестьяне из Сибири, распродавшие свое имущество, чтобы уехать туда, где теплое небо и виноград растет. «Теперь настало время, когда народ призывается к самостоятельности и самоуправлению, – рассуждал чиновник-статистик. – На окраине, рядом с настойчивыми трудолюбивыми сартами и киргизами, особенно чувствуется важность видеть в русских колонистах людей сильных, грамотных, которые могли бы противопоставить мусульманской твердости, воздержанию и упорству если не эти качества, то хотя бы просвещение и способности талантливого русского народа»³⁷.

Служба службой, но Василий Янчевецкий не стал бы Яном, если бы перестал увлекаться необычайным.

«Мне сказали, что в азиатской части города, в одном из отдаленных и глухих его мест, куда европеец боится заглядывать, живет старик-дервиш, делающий чудеса, – вспоминал он о пребывании в Ташкенте. – Говорили, что он может вызывать души умерших...» Дервиш сперва отнекивался, предлагая выбрать какое-либо волшебное снадобье и не тревожить тех, кто находится в садах Аллаха. Но поддался на обещание хорошей платы, провел гостя в комнату, усадил на подушки и начал читать заклинания, бросив некие семена на тлеющие угли в жаровне. И Василию явилась красивая девушка в светлом шелковом платье – он узнал в ней ту, с которой однажды танцевал кадрили на студенческом балу. И она подтвердила, что помнит тот бал – последний в ее жизни. Видение развеялось, как только Василий попытался прикоснуться к призраку. «В комнате было темно, душно от ароматного дыма, а сквозь отверстие в крыше падали капли дождя... Старик молча глядел на меня своими странными светлыми глазами, и на лице его сохранялась невозмутимость. «Я проведу здесь день, неделю, месяц, но мне нужно увидеть ее еще раз!» – «Нет! – ответил дервиш. – Тебе, ага, нельзя вызывать души джиннов. Ты захочешь их видеть еще и еще много раз! Поезжай домой и забудь обо всем!»³⁸

Янчевецкий вскоре и в самом деле уехал домой. Его служба в Туркестане закончилась одновременно (совпадение или нет – не берусь судить) с отставкой Суботича, в сентябре 1906

³⁷ Янчевецкий В. Русская колонизация Туркестана // Россия. 1906. 17, 21, 24, 26 нояб.

³⁸ Янчевецкий В. Душа // Россия. 1910. 18 апр.

года отозванного в столицу, как поговаривали, по причине излишнего либерализма на посту генерал-губернатора.

Попробуй любой человек прокрутить в уме ленту событий своей жизни назад, он обнаружит: все, что происходило с ним, увязано настолько плотно, что незначительных звеньев в этой цепочке нет, даже если когда-то они и казались таковыми. Разумеется, Василий Янчевецкий не предполагал, что он еще посотрудничает с Санкт-Петербургским телеграфным агентством, побывает и в Самаре, и в Ташкенте, и каждый раз это будут поворотные моменты в его судьбе. Пока же он с женой и приемной дочкой Женей просто возвращается в Санкт-Петербург. Сигма сообщил, что у него в газете «Россия» есть вакансии выпускающего редактора.

Глава 4

Газета, гимназия, Азия

Взрыв на Аптекарском острове был слышен на восемь верст вокруг. Два террориста, переодетые жандармами, прошли в приемную на даче премьер-министра и, когда охрана заподозрила неладное, швырнули на пол принесенные портфели с криками «Да здравствует революция!». Следом за взрывом, потрясшим дом, полыхнуло у подъезда – боевики в подъехавшем ландо задействовали свои бомбы. Петербург ужаснулся: 25 раненых, среди них дочь и сын Столыпина, 24 погибших, не считая самих террористов. Сам Столыпин не пострадал, лишь чернильница опрокинулась на хозяина.

Покушение случилось 12 августа 1906 года, спустя месяц после назначения Петра Аркадьевича главой Совета министров с сохранением в должности министра внутренних дел. Накануне повышения Столыпин убедил Николая II распустить строптивую Думу и объявить новые выборы. О том, с чьей помощью государь составил манифест, никто не узнал. Террористы будто предчувствовали, что именно этот сановник сумеет заглушить революционное брожение в России. Правда, эсеры-максималисты покушались не столько на человека, сколько на статус. Что может быть внушительнее убийства второго лица в империи, если первое лицо не достать?

Будучи только министром внутренних дел, Столыпин пригласил для беседы Сергея Сыромятникова, на тот момент сотрудника газеты «Слово». «Единственным средством успокоения [общества] он считал укрепление и развитие народного представительства, – вспоминал о той встрече Сигма. – Его интересовала та часть печати, на которую могло опереться правительство»³⁹. Став премьером, Столыпин осуществил свой интерес. 9 июня 1906 года он отправил губернатору Санкт-Петербурга конфиденциальный циркуляр: «Ввиду появления массы новых столичных и провинциальных газет, распространяющих ложные сведения о событиях в России, и во избежание неправильного или тенденциозного толкования вносимых правительством в Государственную думу законопроектов, Совет министров признал необходимым избрать один из существующих частных органов столичной печати, посредством которого сообщались бы верные фактические данные по всем наиболее важным вопросам и событиям... По соглашению с действительным статским советником Воейковым и отставным гвардии капитаном Брискорном, которым принадлежит выходящая в Петербурге газета «Россия», эта газета, начиная с 8 июня, увеличена до обычного размера политических газет, причем она будет издаваться во всем, что касается законопроектов, действий, предложений и распоряжений правительства и правительственных должностных лиц при ближайшем руководстве и содействии образованного при Главном управлении по делам печати отдела временной печати»⁴⁰.

Пост редактора-издателя «России» занял некто Животовский. Но настоящим ее редактором стал Сергей Сыромятников, а управляющим – Илья Гурлянд, член совета министра внутренних дел. «Министерская газета «Россия» заменила официальное «Русское государство» (чистоплотный господин Сыромятников вместо нечистоплотного Гурьева), – иронизировал бывший премьер-министр Сергей Витте. – Столыпин наивно воображал, что он введет в заблуждение общественное мнение. Конечно, эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела. Вся Россия отлично знала, что газета «Россия» есть правительственный орган, содержащийся за счет правительства, секретных фондов и доходов «Правительственного вестника»⁴¹.

³⁹ Сыромятников С. Железный министр // Россия. 1911. 11 сент.

⁴⁰ Впервые этот документ был опубликован в сборнике статей «Свобода печати при обновленном строе», изданном в Санкт-Петербурге в 1912 году (с. 223). В циркуляре Столыпин просил губернатора «направлять все те данные, которые вы признаете необходимым огласить посредством газеты „Россия“ по адресу Главного управления по делам печати».

⁴¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. II. Л., 1924. С. 253, 305.

Витте не преувеличивал – уже в 1907 году «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» в очередном томе разъяснял: «Россия» – политическая и литературная газета; издается в СПб. с 1 ноября 1905 г. Первоначально маленькая газета. После прекращения «Рус. государства» превратилась в 1906 г., при ближайшем участии С. Н. Сыромятникова, И. Я. Гурлянда и А. Н. Гурьева, в официальный орган Министерства внутренних дел». Печаталась «Россия» в типографии МВД – там же, где «Правительственный вестник».

Василий Янчевецкий, работая редактором, числился одновременно сотрудником МВД: «Приказом по Министерству внутренних дел от 3 ноября 1906 г. переведен на службу в сие министерство, с причислением к оному. Откомандирован для занятий в Главное управление по делам печати»⁴².

Сигма считал, и не без оснований, что русская революция – это мерзость и безумие. И потому не стеснялся преувеличивать ее ужасы. Страницы «России» заполняли столбцы телеграфных сообщений со всей империи, где под заголовками «Революционные убийства», «Бомбы», «Жертвы революции» преступления на политической почве смешивались с обычной уголовщиной. Но и без того размах «мести народной» вызывал оторопь.

Всеобщего восстания и государственного переворота не произошло. Мятежи солдат и матросов в отдельных гарнизонах на Балтике были подавлены. Деревня еще волновалась, но умиралась силой и словом (выкупные платежи за землю отменялись, был издан указ о выходе крестьян из общины). Социалистические партии получили возможность легальной работы в Государственной думе. И тогда непримиримые борцы за свободу перешли к индивидуальному террору. Вот революционная калькуляция 1906 года: 738 должностных лиц убито, 972 – ранено. Покушались на всех служителей царизма, от городских до генерал-губернаторов. 21 декабря боевик-эсер застрелил петербургского градоначальника, спустя неделю был убит главный военный прокурор империи.

Николай II, принимая Столыпина с докладом, заметил с горькой иронией, что на высших сановников охотятся как на куропаток. Премьер-министр ответил: «Ваше величество, идет гражданская война, которая пока что полностью в стране не закончена». В августе 1906 года по инициативе главного военного прокурора, поддержанной императором, Совет министров принял положение о военно-полевых судах. Для ускорения кары в случае явной виновности в нападениях на должностных лиц, убийствах, грабежах или же подготовке этих преступлений (революционные экспроприации были отдельной бедой: за год, начиная с октября 1905-го, совершено 940 ограблений финансовых учреждений, ущерб исчислялся миллионами рублей). Суды действовали до апреля 1907 года и вынесли 1102 смертных приговора, две трети из них привели в исполнение. Такого размаха казней Россия не знала с Пугачевского бунта.

* * *

Что думал о происходящем Василий Янчевецкий, веривший, что «нет ничего выше протеста во имя убежденной идеи»? Он ничуть не сочувствовал борцам за народное счастье.

«Откуда явились новые мясники, рвущие человеческое мясо во славу революции? – негодовал он, узнав об убийстве пензенского губернатора Александровского (на войне заведовавшего санитарной частью 1-й Маньчжурской армии). – В каких подпольях рождаются эти изверги, требующие, чтобы им дали власть устраивать лучшую жизнь? Смерть за смертью, могила за могилой...» За русской революцией – подлой, грабительской, совершаемой людьми без веры и без какой-либо любви к ближнему – он видел лишь одну положительную роль: бесчинства показали сладость мирного порядка и важность чистых нравственных начал⁴³.

⁴² ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 11 586. Л. 120 об.

⁴³ Россия. 27.01.1907; Воспитание сверхчеловека. С. 50–52.

Выпускающий редактор – работа ночная (печать газеты завершалась в четыре часа утра). От выпускающего в конечном счете зависело, что и как будет опубликовано в свежем выпуске. Но Янчевецкий не может не писать: время от времени, иногда под псевдонимом В. Ян, он публиковал в «России» рассказы-воспоминания и заметки на самые разные темы – освоение Сахалина и благоустройство Петербурга, современная педагогика и работа Государственной думы. И Янчевецкий не может не странствовать: осенью 1907 года он отправился со своей семьей в путешествие по Средиземному морю – от Константинополя до Каира, а летом 1909-го напросился в экспедицию Главного управления землеустройства. Увидел Белое и Карское моря, северные острова и печорскую тундру.

«Я много читал, много учился и много путешествовал, – напишет он через несколько лет в журнале, придуманном для гимназистов. – И все мне кажется мало, и я продолжаю и читать, и учиться, и путешествовать, потому что наша душа ненасытная, нам все хочется узнать, весь этот бесконечный мир, и сама смерть как будто бы не может остановить нашу жажду знаний». Как вспоминала дочь Женя, однажды летом, любуясь яхтами, рассекающими гладь Финского залива, Василий Григорьевич полушутя-полусерьезно воскликнул: «А яхта у нас обязательно будет, и на ней мы пообедем весь мир!» «Зимой же, когда видение яхты тускло от дыхания мороза, а мать покупкой нового дивана или кресла стремилась усилить притягательность семейного очага, отец (горячо любивший, впрочем, этот очаг) неизменно приговаривал: «Путнику нужна только пара добрых чемоданов, чтобы в любую минуту откликнуться на зов случая!» Случай не раз обращался к моему отцу, и чемоданы не успевали запылиться...»⁴⁴

Янчевецкий по-прежнему романтик, сторонник «светлого, эллинского взгляда на жизнь», ценитель подлинного творчества. Он восхищается Врубелем, который, несмотря на душевную болезнь, создал ряд «фантастических картин, блещущих дикими замыслами гения». На первую книгу декадентского поэта Андрея Белого отзывается положительной рецензией: «Современный поэт живет в нервном шумящем городе, и живет всеми нервами, всеми волнениями этого человеческого муравейника. Здесь нельзя сочинять сонеты и стансы по трафарету – здесь поэт есть эхо бурной жизни города».

И вместе с тем Василий Григорьевич болезненно реагирует на состояние общества после снятия запретов: новая литература и пресса заражены злобой и пессимизмом, свобода совести граничит с нигилизмом. «Требование нравственности в жизни скоро заставит и политические партии быть абсолютно честными и в программах, и в действиях... Это возрождение нравственности осудит черным укором всех кадетов, которые из-за заигрывания с левыми не решились высказать свое порицание убийцам и грабителям. Это же требование доброты и честности укажет соответственное место тем левым партиям, которые пользуются кровавыми деньгами...»⁴⁵

Искренне, но несколько наивно. Парадокс: искренность и вера подводят Янчевецкого, когда он берется рассуждать на политические и социальные темы.

«Россия окружена врагами...» С этих слов начинается изданная им в 1908 году книга «Воспитание сверхчеловека» – сборник ранее напечатанных и еще не публиковавшихся статей, заметок и рассказов. Название заглавного сочинения – дань ницшеанству. Сверхчеловек – «возвышенное существо будущего», в котором объединятся образованность, сила, воля и нравственность. Василий Григорьевич, как и впечатливший его немецкий философ, противопоставляет монашеский и эллинский идеалы: первый подразумевает уступчивость, кротость, отказ от удовольствий и радостей, второй – наслаждение жизнью, стремление к победе и счастью на земле. По какому пути направить воспитание современного юношества? Янчевецкий

⁴⁴ Янчевецкий В. Письмо к ученикам из Турции // Ученик. 1913. № 8; РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 310. Л. 2–3.

⁴⁵ Янчевецкий В. Поэзия современности // Россия. 1907. 9 авг.; Янчевецкий В. Возрождение нравственности // Россия. 1907. 30 авг.; Ян В. Выставка картин // Россия. 1909. 1 окт.

пишет о важном, насущном и вроде бы не ошибается в оценках. Но философское эссе оборачивается геополитическим манифестом с нотками верноподданнического доклада. На земном шаре становится тесно жить, напоминает он. Германия и Австрия давно поглядывают на славянский восток, с другой стороны российские границы пробуют на прочность Китай и Япония. Враждебные силы сдерживает лишь страх перед миллионной русской армией. Нужно, чтобы все в империи было подготовлено к вероятным войнам, к великим мировым переворотам. Победит тот, кто будет более образован, культурен и силен. Пока что без всякой войны иностранные промышленники, купцы, акционеры всевозможных предприятий и даже наемные рабочие распространяются по всем концам России, побеждая русских своей высшей культурой, знаниями, умением работать, трезвостью, исправностью и упорством в достижении целей. Потому залог будущего счастья страны – в наилучшем воспитании детей. Их вообще необходимо готовить к борьбе на всех поприщах жизни. «Нынешняя русская школа совершенно не достигает своей задачи – воспитывать сильное поколение, – констатирует редактор столыпинской «России». – В мир школа должна выпускать образованных, энергичных и здоровых людей, которые могли бы успешно бороться за свою жизнь, за жизнь своей семьи, за свободу и независимость своей родины... Нужен сильный толчок образованию нашего юношества, чтобы мы шли все время вперед, развиваясь и двигая самостоятельно знание. Кто стоит, того опережают другие, кто отстал, тому нужно сделать двойные усилия, чтобы догнать и опередить. Я верю, что мы можем идти впереди других»⁴⁶.

Если не знать ничего об авторе этих строк, то при первом размышлении складывается образ офицера Генштаба или министерского чиновника с соответствующим мировоззрением, манерами и привычкой мыслить строгими правилами, схемами и общими категориями. Но такого превращения характера с Янчевецким не случилось.

* * *

«Невысокого роста, крепко и ловко сложенный, со смугловатым скуластым лицом, – которому маленькие, чуть обвисшие усики придавали монгольский характер, подчеркнутый острыми наблюдательными глазами, – он нравился нам спокойной уверенностью движений и необычайной выдержкой, – вспоминал поэт Всеволод Рождественский. – Никогда не повышая голоса, говорил он мягко, ясно, точно, был со всеми нами почти в приятельских отношениях, но строго соблюдая границу дозволенного... Предмет свой знал превосходно и все же никогда не мучил нас грамматикой и академической сухью. Страница учебника была для него только поводом к широкой, сверкающей остроумными замечаниями беседе. И как любили мы эти беседы!.. Об исторических лицах он говорил как о простых, давно знакомых ему людях, а в строфах поэтов, отошедших в вековое прошлое, открывал волнение и тревогу страстей, понятных и близких нашей жадной ко всему живому юности. Он был мастером широких, волнующих обобщений. От частного случая переходил к эпохе, исторические события в его передаче, кстати лишенной ложного приукрашенного пафоса, приобретали осмысленную стройность...»⁴⁷

Да, это портрет Василия Григорьевича Янчевецкого, учителя латинского языка в 1-й Санкт-Петербургской мужской гимназии с 17 сентября 1908 года. Оставаясь выпускающим редактором газеты, нагрузку он поначалу взял небольшую – пять часов занятий в неделю. «Я

⁴⁶ *Воспитание сверхчеловека. С. 2–6, 8–10. Взгляды эти, вероятно, сформировались под влиянием пережитого на войне: «Если война с Японией возникла так неожиданно, то какие основания можем мы иметь, чтобы быть уверенным в долгом и прочном мире? Не первый ли наш долг воспитать наших детей мужественными и воинственными? России давно пора забыть все те овечьи добродетели, в которых воспитываются наши дети, начать учить их стрельбе, строю, умению жить в открытом поле и радоваться их увлечениям Майн Ридом и Купером» (Янчевецкий В. Из заметок гимназического учителя).*

⁴⁷ *Рождественский В. Страницы жизни. Л., 1962. С. 109–110.*

представлял себе 50 человек, с которыми мне придется остаться наедине, их насмешливые глаза, следящие за каждым моим движением, – вспоминал он. – И меня мучила мысль, сумею ли я совладать с целым классом?»⁴⁸ Янчевецкий никогда никого ничему не учил. Но он прекрасно понимал, как надо общаться с детьми, поскольку помнил себя в детстве. «Если воспитанник имеет пятерку по одному предмету, то хотя бы он имел самые дурные отметки по другим – мальчик спасен, идет вперед. Если у ребенка появляется желание или мечта о чем-нибудь, постарайтесь помочь ему осуществить эту фантазию на деле. Можно ставить некоторые препятствия, чтобы ребенок научился в борьбе добиваться своей цели. Но только не осмеивайте его фантазию, какой бы смешной и «детской» она ни казалась»⁴⁹.

Дети – чуткие и внимательные существа – оценили необычный подход. Новый учитель не скупился на хорошие оценки и похвалу по заслугам и не наказывал за проказы. Он только настаивал на откровенности. Свидетельством взаимного доверия он считал тот факт, что «ни одной шалости в классе не осталось нераскрытой». Заслуженный авторитет был замечен руководством гимназии. В августе 1909 года по предложению попечительского совета Янчевецкий «допущен к исполнению обязанностей воспитателя в пансионе гимназии»⁵⁰.

Гимназия помогла ему пережить беду – смерть жены. Летом 1908 года в России свирепствовала холера, косившая тысячи людей в деревнях и городах, не исключая столицы. Мария заразилась, Василий три недели кряду посещал холерный барак, ухаживая за больной женой, но ничто не помогло. Видимо, тогда у него и появилась склонность забываться в творческой работе, помогающая не ломаться под ударами судьбы.

Овдовев, Василий Григорьевич с дочкой Женей перебрался из съемной квартиры в Гродненском переулке на Ивановскую, 7, где располагалась гимназия. Вместе с ними поселился брат Митя, беспокойная душа.

После войны Дмитрий обогнул полмира: Япония – Соединенные Штаты – Великобритания – Франция – Германия – Россия; не смог усидеть в Ревеле, вновь отправился на Дальний Восток, путешествовал по Амурскому краю, а по возвращении в Петербург согласился поехать корреспондентом «Нового времени» в Персию. Видел внезапную восточную революцию и скоротечную Гражданскую войну. И как обычно, оказывался в гуще событий. Василий читал его «Персидские письма»: «Бомбардировка Тегерана», «Отречение шаха», «*Finis anarchiae*»... Теперь Митя наконец-то решил пожить и поработать в Северной Пальмире⁵¹.

В 1910 учебном году Василий Григорьевич взял на себя 10 часов уроков в неделю. И тогда же, с сентября, начал издавать еженедельный журнал «Ученик» (редакция на Невском, 112 – в здании главной конторы «России»). «Цель этого журнала не только предложить интересное чтение, но и знакомить в нем с жизнью как она есть...» Поначалу довольно скромный по содержанию и оформлению, «Ученик» постепенно превратился в издание с подписчиками в столице и провинции: в Архангельске и Астрахани, Вятке и Чернигове, Одессе и Екатеринбурге, Тифлисе и Ташкенте, и даже за границей – в Париже и Токио.

Чего только не было на его страницах! Стихи и рассказы – серьезные, романтические, забавные; приключенческие романы с продолжением, повести «из современной жизни», биографии путешественников и изобретателей, исторические и естественно-научные очерки, литературные сочинения, корреспонденции и переписка читателей, спортивные репортажи, разнообразные новости со всего света, загадки-головоломки, скаутские советы, уроки электротехники, шахмат и бокса, заочные кружки по интересам – марки, фотография и так далее. А еще в «Ученике» печатался «Дневник Пети Петушкова», сочиняемый Василием Янчевецким.

⁴⁸ Янчевецкий В. Из заметок гимназического учителя // Россия. 1909. 29 мая.

⁴⁹ Янчевецкий В. Три основания школы будущего // Воспитание сверхчеловека. С. 16, 21–22.

⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 114. Оп. 1. Д. 11 586. Л. 120 об.

⁵¹ Все упомянутые здесь и далее места проживания Янчевецких установлены по адресным книгам «Весь Петербург» за 1908–1912 годы.

Его воображаемый автор был озорным, смелым, изобретательным, проказничал не со зла и старался не подводить товарищей. Он казался настолько настоящим, что в редакцию приходили письма на имя Петушкова.

Несколько рассказов для «Ученика» написала Ольга Янчевецкая, корректор газеты «Россия», жена. Василий Григорьевич не мог долго оставаться один.

* * *

Ольга Виноградова приехала в Петербург в 1905 году, сбежав от тетки из Севастополя. Пятнадцатилетняя гимназистка решила, что вполне может жить самостоятельно:

«У меня имелись 30 рублей и убеждение, что мне не нужна ничья помощь и никому я не должна быть обязана». Работала портнихой, прачкой, продавщицей в пекарне. Благодаря случайному знакомству Ольгу взяла под опеку княгиня Мария Дундукова-Корсакова. Когда девушка окончила гимназию, княгиня отправила ее в редакцию газеты «Россия» с запиской: «Обеспечьте по возможности моей воспитаннице какую-нибудь достойную работу».

Барышню с двумя косами до пола и корзинкой на руке встретил заместитель редактора. «Этот приятный господин вел себя, как мне казалось, сухо и по-деловому. Коротко и строго взглянул на меня, прочитал письмо и сказал: «Приходите завтра». А назавтра он был так же строг и сдержан. «Вы приняты на должность корректора. Приходите вечером в десять на работу». – «В десять часов вечера?» – «Да, – с насмешкой сказал Янчевецкий, – газеты печатают ночью». Молодые люди – в редакции обращали на меня внимание, и только Янчевецкий не замечал. Когда я приходила о чем-то его спросить, он отводил глаза в сторону и отвечал коротко и по-деловому. Я удивлялась: «Боже мой, что за человек этот Василий Григорьевич? Всегда сердит. Чем же я могла его обидеть?» Но однажды серьезный начальник предложил ей прогуляться по Елагину острову – и преобразился как по мановению волшебной палочки. Шутил так, что рассмешил Ольгу до слез. Про себя она удивлялась перемене, не допуская и мысли, что уважаемый Василий Григорьевич, оказывается, влюблен в свою корректоршу, пряча чувства за строгостью. А в другой раз... Он пригласил ее на обед, внезапно взял за руку и спросил: «Хотите, Олечка, быть моей женой?»⁵²

Венчались в апреле 1909 года. Дмитрию пришлось съехать из общей квартиры. Впрочем, вскоре он сам связал себя узами брака, женившись на юной красавице Саше Огневой – дочери полтавского дворянина, окончившей в Петербурге Бестужевские курсы.

Василий Григорьевич делил себя между двумя редакциями, гимназией и семьей, пока в декабре 1910 года не попросил попечительский совет освободить его от обязанностей воспитателя. Но главное свое педагогическое начинание не оставил. Двамя месяцами ранее он предложил директору гимназии организовать отряд юных разведчиков «с целью развития в юношах самостоятельности, находчивости, умения ориентироваться во всякой обстановке и при природных обстоятельствах» – по системе Баден-Пауэрлла.

Британский генерал-майор Баден-Пауэрлл, герой Англо-бурской войны, собрал первую группу юных разведчиков в 1907 году, затем издал книгу *Scouting for Boys*. Он думал о благе своей родины и не предполагал, что скаутинг за короткий срок обретет популярность во многих странах мира. В России его идеи в числе первых оценил преподаватель латинского языка Янчевецкий. Будучи убежденным патриотом, он не считал зазорным учиться у Запада. Посмотрите, говорил Василий Григорьевич, на английского мальчика – у него на лице написано счастье от собственного существования, кипят силы и надежды на счастливое будущее. «Англичане

⁵² О. Янчевецка. Уз стоту годишњицу В. Јана // «TV новости» (Белград). 1975. № 557. Копия публикации предоставлена виртуальным Музеј Olge Jancevecke. Перевод А. Шелия. Воспоминания О. Янчевецкой опубликованы также в книгах: К. Димитријевић. Краљица руске романсе. Београд, 2003; Ю. Сосудин. Незабываемые певцы. СПб., 2000.

использовали любовь детей к путешествиям, к убеганию в Америку, поэтому устроили детские кружки в лагерях, где дети живут совершенно как солдаты на маневрах, учатся готовить себе пищу, строить хижину, лодку, плот, чинить свое платье и обувь. Они делают большие походы, должны быть в состоянии находить дорогу без проводника, обращать внимание на солнце, месяц и звезды, на следы людей и животных... Все это имеет цель развития мужественности, находчивости, выносливости и любви к родине и природе».

Иногда взаимность можно измерить цифрами. За тот месяц, что ушел у Янчевецкого на подготовку программы занятий и поиск наставников, число желающих вступить в отряд выросло с 30 до 200 учеников, в том числе из других гимназий. Василий Григорьевич обещал научить, как пользоваться компасом, оказывать помощь в несчастных случаях и строить мосты из гимнастических шестов. Но при этом разведчики должны были окапывать деревья и огород во дворе гимназии столь же усердно, как и ходить в дозоры. Любопытствующие сразу отсеялись. 2 января 1911 года, не дожидаясь одобрения Министерства народного просвещения, Янчевецкий повел своих разведчиков в первый поход – в Царское Село, на встречу со скаутами штабс-капитана Пантюхова. Практические занятия проводились в здании манежа лейб-гвардии Егерского полка. К примеру, уроки легкой атлетики разведчикам давали известные спортсмены братья Штиглиц. В марте отряд Янчевецкого отправился в поход на Лахту – всего на день, но уже по-настоящему: с дозорами, рекогносцировкой, маневрами и разбивкой лагеря⁵³.

Спустя сорок лет Евгения Можаровская (та самая Женя) познакомилась в Доме творчества в Комарове с писателем Леонидом Борисовым. Оказалось, тот учился в 1-й Санкт-Петербургской гимназии. «Свято хранит два комплекта «Ученика»... «О папе говорит прямо с обожанием и мечтает встретиться...»⁵⁴

* * *

Когда Василий Григорьевич вернулся из Белграда, куда вместе с женой ездил на конгресс славянских журналистов, Ольга уже заметно округлилась. Кто появится на свет? Янчевецкий хотел сына. Он даже представлял, как будет с ним нянчиться, читать сказки... Телефонный звонок из штаб-квартиры СПТА нарушил семейный покой.

Главному информагентству Российской империи требовался свой человек в Персии, где разгоралась гражданская война. Шах Магомет Али, свергнутый в 1909 году с престола и бежавший в Россию, потом уехавший в Европу, в начале июля 1911 года вдруг объявился на севере родной страны. Среди туркмен он быстро набрал отряд для похода на Тегеран. Его брат Саларуд-Доулэ взбунтовал курдов в Западной Персии и занял провинцию Хамадан к югу от столицы. Петербургские газеты сообщали:

«Тегеран объявлен на военном положении...» «Число сторонников Магомет Али-шаха, по-видимому, растет...» «Меджлис единогласно вотировал законопроект о назначении вознаграждения за голову Магомет Али-шаха...»⁵⁵.

⁵³ Чухман А. В. Ян и 1-я Санкт-Петербургская гимназия (публикация в группе «Русская разведка» в сети «ВКонтакте»); Ученик. 1911. № 19, 21, 28, 31. Выше цитируется очерк В. Янчевецкого «Из заметок гимназического учителя» (Россия. 1909. 29 мая). Одобрение своего ходатайства он получил от Министерства народного просвещения 19 января 1911 года.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 230. Л. 74. Леонид Борисов состоял в гумилевском Союзе поэтов, но стал известен как прозаик. Его роман «Ход конем» понравился Горькому, переводился на иностранные языки. В 1945 году Борисов выпустил повесть об Александре Грине «Волшебник из Гель-Гью», во второй половине 1950-х – художественные биографии Жюль Верна и Стивенсона.

⁵⁵ Россия. 1911. 5-17 июля.

Вероятно, предложение командировки не обошлось без участия Сигмы, который не раз в своих путешествиях по Ближнему и Дальнему Востоку исполнял поручения разведывательно-дипломатического характера от высоких инстанций. Министерству иностранных дел (а СПТА подчинялось совету министров) требовалась максимально полная картина происходящего в Персии – ведь шах вернулся, да еще с партией оружия, не без российской помощи. Василий Янчевецкий знал фарси, путешествовал по Персии. Он журналист и потому не будет играть чуждую ему роль. Разумеется, от предложения можно отказаться. Поручение рискованное. Но Янчевецкий согласился.

30 июля 1911 года канцелярия начальника Закаспийской области запросила МИД, разрешить ли корреспонденту В. Г. Янчевецкому останавливаться на военных постах на Атреке? По этой реке проходила прикаспийская часть границы России и Персии. Дикие места, где пролегли кочевые пути туркменских племен, не обращавших внимания на государственные условности; со стороны Персии эта область почти не контролировалась. Ответ МИДа был отправлен незамедлительно, телеграмму подписал чиновник особых поручений министра Клемм: «Поездке Янчевецкого препятствий не выражается»⁵⁶.

Уже 5 августа Василий Григорьевич телеграфировал из персидского Астрабада, что окрестные туркмены поддержали шаха и поклялись умереть или довести его до Тегерана. Весь месяц, не сидя на одном месте, он шлет сообщения о стычках мятежников и правительственных войск, поражении шахского отряда на подступах к Тегерану, отступлении Магомет Али и жестоких расправах с его сторонниками. В сентябре Янчевецкий уже в Тегеране, то есть по другую сторону условной для гражданской войны линии фронта. На столицу наступает принц Салар-уд-Доулэ, но и он терпит поражение. 10 октября Янчевецкий снова телеграфирует из Астрабада, где побеждают сторонники шаха, через десять дней – опять из Тегерана, где планируют новый поход против Магомет Али. Вот так, туда и обратно по дорогам, на которых повстанца или солдата подчас не отличить от разбойника...⁵⁷

Удалось ему повстречаться и обстоятельно поговорить с самим шахом в его ставке в горах Эльбурса, к северо-востоку от Тегерана.

«Мы долго ехали по извилистому ущелью, глухому и пустынному... Вот и лагерь. Вдоль ущелья по склону горы заперестрели бесчисленные палатки и шатры... На высоком отроге видны два домика, окруженные деревьями. Проводник поворачивает туда, и наши кони карабкаются по крутой тропинке... Меня расспрашивают о цели приезда, затем проводят в дом к бывшему повелителю Ирана, теперь силой оружия отвоєвывающему себе трон. Мы усаживаемся на полу вокруг снарядного ящика, который служит столом, раскладывается карта, и начинается обсуждение положения дел. Шах свободно говорит по-русски, его брат – по-французски. «Известия приходят медленно, – говорит Магомет Али. – Долго нельзя узнать, в каком положении другие отряды, идущие к Тегерану... Я выехал из Вены вследствие бесчисленных просьб из разных городов Персии вернуться и восстановить порядок в стране. Мне обещали, что я проеду до Тегерана, не пролив капли крови, а вдруг оказывается, что возникает война...» Я не решаюсь передать разговоры, которые Магомет Али имел со мной, так как не знаю, насколько это ему желательно... В личности этого человека есть что-то привлекательное и светлое, недаром тысячи людей поднялись в разных концах Персии, чтобы увидеть на престоле своего бывшего монарха». Гостю показали лагерь – солдат, не расстающихся с винтовками даже ночью, артиллеристов, пушки и туркменскую кавалерию. Пригласили на военный совет. Переночевав, Янче-

⁵⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1679. Л. 1–2.

⁵⁷ Телеграммы из Персии // Россия. 1911. 5 авг. – 22 окт.; Вег. Среди персидских туркмен // Россия. 1911. 24 июля; Вег. Поездка по Персии // Россия. 1911. 16, 27 сент. Псевдонимом Вег Янчевецкий подписывал свои репортажи из Персии. Лишь в выпуске «России» от 11.11.1911 он опубликовал под своим именем статью «Русско-персидские отношения», где упомянул о поездке по Персии и в общих чертах обрисовал произошедшее в стране.

веккий решил присоединиться к отряду Эмир-Мукарема, которому было приказано выбить противника из селения на дороге, ведущей в Тегеран⁵⁸.

Судя по всему, визит он нанес до 25 августа, прежде чем стало известно о поражении отряда Сердар-Аршада, шедшего к Тегерану с юга. А опубликовали репортаж только в конце ноября, когда последние приверженцы шаха были разгромлены, а Магомет Али вновь нашел убежище в России. Янчевецкий к тому моменту опять преподавал латынь и занимался с юными разведчиками. Материал, несмотря на задержку, все равно был сенсационным – ведь никто другой из иностранных корреспондентов в Персии за время войны не встречался с мятежным властителем.

8 декабря 1911 года у Василия и Ольги Янчевецких (жили они теперь на Фонтанке, в большом доходном доме, принадлежащем Дирекции императорских театров) родился сын.

* * *

«России нет – Россия еще будет». Василий Григорьевич неожиданно для себя горько усмехнулся, припомнив некогда сочиненный им лозунг. В государстве по-прежнему неладно.

1 сентября, когда он отправлял очередную телеграмму из Персии, в Киевском городском театре на спектакле «Сказка о царе Салтане» анархист Богров стрелял в Столыпина. 5 сентября премьер-министр умер от ран. Янчевецкий верил в государственный гений Петра Аркадьевича. С его смертью (обстоятельства покушения наводили на мысль о преступном бездействии полицейских начальников) монархия будто бы потеряла баланс разума и воли, который он старался установить. Как вспоминал министр финансов Коковцов, назначенный главой правительства, о Столыпине через месяц после кончины говорили тоном полного спокойствия или же глубокомысленно критиковали. Центральным вопросом ближайшего будущего, как ни странно, сделался вопрос о Распутине. Об интригах и выходках «святого старца» говорили в Думе и сплетничали на улицах. Писали и в массовом «Русском слове», и в кадетской «Речи», и даже в консервативном «Новом времени». «Россия», разумеется, молчала. Коковцов и председатель Государственной думы Родзянко пытались объяснить государю, что все это расшатывает престиж монархии...

А в апреле 1912 года по репутации власти был нанесен еще один удар. В Сибири на Ленских приисках забастовали рабочие. Когда жандармы арестовали членов стачечного комитета, бастующие ринулись их выручать. Военная команда открыла огонь на поражение. Более 100 убитых и 80 раненых, согласно первым сообщениям о трагедии. Сильнее цифр впечатляли фотографии погибших, попавшие в прессу. Министр внутренних дел Макаров, отвечая на запрос Государственной думы, настаивал на оправданном применении силы и заявил: «Так было, и так будет впредь». Тогда – как и в январе 1905 года после расстрела демонстрации у Зимнего дворца – вновь возмутилась трудовая Россия. Только в Петербурге забастовали и вышли на манифестации рабочие сотни с лишним фабрик и предприятий. После тех событий мало кому известный социал-демократ Владимир Ульянов взял псевдоним Ленин.

«Россия» делала вид, будто осмысленного пролетарского протеста на самом деле нет: толпу развращают, так называемое рабочее движение является в полной мере искусственным и создается от случая к случаю, как политический таран. Сергей Сыромятников объяснял, что вопрос трудовых отношений пора изъять из рук социалистов и выработать для рабочих прогрессивную, но реальную государственную идеологию: «И капиталист, и рабочий – оба люди и не должны забывать об этом. Но более того, они люди взаимно обязанные...» Василий Янчевецкий своих взглядов не поменял. Государственная дума, несмотря на «правое» большинство, занята не столько созидательной работой, сколько политическими распрями. Господа ради-

⁵⁸ Вег. Поездка по Персии // Россия. 1911. 22 нояб.

калы, к которым он причислял и социалистов, и конституционных демократов, стремятся вести молодежь в духе протеста. А ведь их минутный успех может стоить стране целого поколения⁵⁹.

«Если вы хотите счастья и спокойствия родине, если хотите видеть Россию великой, – призывал он читателей «Ученика», – старайтесь быть более образованными, сильными, ловкими... Какие бы неудачи и беды с вами ни случились в жизни, не падайте духом, а собирайтесь с силами и идите дальше, куда зовет вас голос души и совести. Семь раз упадешь, а на восьмой встанешь – это любимая поговорка японцев, которые нечеловеческими усилиями добились славы и могущества»⁶⁰.

С января по август 1912 года в «Ученике» печатается роман Янчевецкого «Афганский изумруд» – назидательно-приключенческая история «из современной жизни». Главные герои – состоятельный путешественник Сергей Печорский, нашедший в Афганистане изумрудные копи, и гимназист Вася Вьюгин, его родственник и помощник. Печорский убежден, что Россия окружена врагами, которые еще и подтачивают здание империи изнутри. Свой капитал он хочет направить на пользу родине, ему противодействует тайное общество «Азия для азиатов» во главе с японским резидентом. Шпионы хотят выведать местоположение копей, но Вьюгин, которому доверено хранить секрет, не попадает на козни. В нужный момент он едет на юг по вызову Печорского, везет ему карту, но по дороге в Туркестане гимназиста похищает шайка афганцев и везет через пустыню к своему главарю. На этом первая часть романа заканчивалась. Продолжение было обещано, но не последовало.

Долг молодых людей, настаивает Василий Григорьевич, – учиться и развиваться, чтобы суметь померяться знаниями и опытом со всяким иностранцем. Если не новое образованное поколение, то кто будет думать о будущем родины – японцы, англичане? «Ваши друзья – ваши книги, образованность, ваша смелость, ваши ясные глаза и сильные руки...»⁶¹

* * *

Исправно выполняя свои обязанности в редакции «России», он всегда находил время для юных разведчиков. Там – долг службы, здесь – дело для души. Хотя тоже своего рода служба.

«Организация не собирала никаких взносов, Янчевецкий нес все расходы на собственный счет. Он подъезжал на извозчике к месту сбора с целой грудой бамбуковых посохов с сыромятными ремешками, на которых все собирались выжигать даты походов, да так, кажется, и не собрались», – вспоминал один из его воспитанников.

Василий Григорьевич собрал 2-й легион разведчиков из учеников других гимназий, провел экзамены, соревнования по легкой атлетике, тренировочный, а затем и полноценный поход в окрестности Лахты. Разведчики разделились на два отряда и разошлись – один должен был найти и окружить другой. За день гимназисты отмахали тридцать верст по лесу, через канавы и болото, стычка «в штыхы» закончилась мирным договором и индейскими танцами у костра. А на летних каникулах Янчевецкий устроил скаутский лагерь на берегу Финского залива. «Как здесь у них хорошо!» – радовался гостивший там Дмитрий Якушев, спортивный обозреватель «России» и постоянный автор «Ученика». Море, сосны, очарование природы и самостоятель-

⁵⁹ Россия. 1912. 4 мая (редакционная статья); Сыромятников С. Труд и капитал // Россия. 1912. 15, 18 апр. (редакционная статья, судя по стилю и содержанию, сочинена В. Янчевецким).

⁶⁰ Ученик. 1912. № 38, 48.

⁶¹ Напоминая о мировом противостоянии, Янчевецкий советовал путешествовать за границей, изучать языки, учиться в зарубежных университетах – вообще, учиться у Запада. «Русская молодежь, даже окончившая университет, сравнительно с иностранцами мало культурна и необразованна, и ее нельзя сравнивать с иностранными студентами, которые работают в десять раз лучше и усерднее, чем русские студенты» (Ученик. 1914. № 35).

ной жизни, познавательные приключения и понятная мальчишкам дисциплина. «Счастливики, вырвавшиеся из душных городских квартир под покров леса...»⁶²

Тем же летом, в июле, на берегу восточной части залива Ван-Майен острова Западный Шпицберген был установлен заявочный знак «от имени и по поручению» титулярного советника Василия Янчевецкого.

Сигма вовлек друга в предприятие государственного масштаба. На июль 1912 года намечалась экспедиция известного исследователя Русанова на Шпицберген. Этот полярный архипелаг считался ничейной землей, но, как только на Шпицбергене обнаружили перспективные залежи угля, интерес к островам проявили Россия, Норвегия, Великобритания и другие государства. В ожидании международной конференции по правовому статусу архипелага МИД России предложил отправить на Шпицберген экспедицию частного характера, дабы подтвердить «наличность русских интересов». Горный инженер Самойлович разведкал на Западном Шпицбергене угленосные площади и установил заявочные знаки ряда лиц, среди которых были кандидат прав Сыромятников и преподаватель 1-й Санкт-Петербургской гимназии Янчевецкий. А оказались они в компании сенатора Стюнкеля, тайного советника Арбузова (директора департамента общих дел МВД, возглавлявшего секретное совещание по организации экспедиции), статского советника Шинкевича (вице-директора того же департамента) и горного начальника в отставке Стрельмана.

В следующем году полярные предприниматели учредили «Торговый дом для горных разработок «Грумант» и организовали новую экспедицию. 11 сентября 1913 года газета «Россия» сообщила о прибытии в Петербург первого груза русского каменного угля со Шпицбергена. Инженер Самойлович оценивал запасы застолбленных залежей в 10 миллиардов пудов. Их масштабная разработка предполагала соответствующие траты; пока договаривались с правительством о кредитовании и беспошлинном ввозе угля – началась война. К весне 1915 года в числе пайщиков «Груманта» остались лишь Арбузов, Шинкевич и почетный гражданин Агафелов. Но они так и не наладили промышленную добычу⁶³. Красивая коммерческо-географическая история не состоялась. Хотя Янчевецкий вряд ли о том сильно жалел – он был озабочен совершенно иными делами.

* * *

В архивном фонде Императорского Санкт-Петербургского университета хранится прошение В. Г. Янчевецкого о зачислении его вольнослушателем историко-филологического факультета. Датировано 18 сентября 1912 года (неудивительно – факультет продолжал блистать преподавателями). В формулярном списке отмечено, что на 1912/13 учебный год Янчевецкому назначено 15 уроков латинского языка в неделю. Однако преподавательских обязанностей он не несет с января 1913 года. Поскольку, согласно предложению заместителя министра народного просвещения, считается находящимся в командировке с ученой целью, без сохранения содержания, но с оставлением в должности сверхштатного преподавателя⁶⁴.

Опять провернулось «колесо с крючком». «Случай не раз обращался к моему отцу, и чемоданы не успевали запылиться...»

⁶² Ученик. 1912. № 37. Россия. 1912. 28 июня.

⁶³ Российский государственный архив экономики. Ф. 466. Оп. 1. Д. 42. Л. 13–38, 92; Д. 40. Л. 18 (за указание местонахождения этих документов автор благодарит историка Г. Н. Боранову). В 1920 году права на эксплуатацию угленосных участков, принадлежавшие «Груманту», были выкуплены лондонской компанией «Англо-русский Грумант». Добычу она вела совместно с советским «Северолесом» и в 1931 году полностью продала свои шахты СССР. Так был основан известный трест «Арктикуголь».

⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3197. Л. 4; Ф. 114. Оп. 1. Д. 11 586. Л. 121 об. – 122.

Дирекция СПТА предложила Василию Григорьевичу отправиться корреспондентом в Константинополь. События в Турции и на Балканах в то время волновали едва ли не все европейские столицы. В начале октября 1912 года Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Великой Порте. Наступление союзников было стремительным и неудержимым. Болгары взяли Кирк-Килис, осадили Адрианополь и открыли себе путь на Царьград. Сербь и греки заняли Македонию. Греческий флот появился у Дарданелл. Две турецкие армии были разгромлены, но и силы Балканского союза едва не иссякли. Начались переговоры о мире.

27 декабря Янчевецкий сел на пароход, следующий из Одессы в Константинополь. Оставаясь издателем «Ученика», редакторские обязанности он передал Якушеву. Отрядом юных разведчиков согласился руководить штабс-капитан Пантюхов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.